

ДЕНДІ СЕР ЮНІ ОНІ ПІНІ Ю

18+

РОЗАРІЯ МУНДА

Young Adult. Драконорожденные

Розария Мунда

Песнь огня

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мунда Р.

Песнь огня / Р. Мунда — «Эксмо», 2022 — (Young Adult.
Драконорожденные)

ISBN 978-5-04-181648-3

Ли Повелители драконов в ярости. Долгожданное возвращение в Калиполис под угрозой. Теперь я орудие в руках кровожадного Иксиона, который намерен поставить город на колени, воспользовавшись помощью чужеземной принцессы и драконом, которому невозможно противостоять. Если я хочу вернуться домой и увидеть Энни, мне предстоит сыграть уготовленную роль, пока облачная завеса не накроет город и не будет спета последняя песнь восстания. Энни Дорога в будущее залита кровью, а я – единственная надежда на спасение Калиполиса. Сейчас я нахожусь на Новом Питосе и собираюсь поднять восстание и отомстить всем, кто отнял у меня жизнь. Однако Иксион присвоил себе звание Первого Наездника и бросил мне вызов, предложив испытать силы в бою на арене. Но кем я стану? Той, кто сожжет все дотла или осветит путь в новую жизнь?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-181648-3

© Мунда Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть I	12
1	12
2	20
3	26
4	34
5	38
6	42
7	45
8	48
9	52
Часть II	56
10	56
11	62
12	67
13	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Розария Мунда

Песнь огня

© Жданович А. Е., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается моему мужу Роберту

Пролог

Девочка смотрела, как копает отец. В полях было тихо. Хетти и Лайла вместе с другими деревенскими женищинами в доме готовили тело к погребению, Гарет с утра бродил по склону горы, и Рори работал на противоположном конце могилы, расширяя ее, пока их отец копал все глубже. Зимой в высокогорье было холодно, ветрено и слегка влажно.

– Мама пойдет туда? – спросила девочка.

Ее отец на мгновение замер, вытирая пот с шеи.

– Да.

– А ребенок тоже пойдет сюда, если умрет?

Отец помолчал чуть дольше, прежде чем ответить:

– Да.

– Иди в дом, Энни, – сказал ее брат Рори, его голос сорвался! – Иди в дом к женищинам!

– Ребенок убил маму?

– Да! Отправь ее в дом!

– Рори, передохни.

Рори бросил лопату. Девочка не сводила взгляд с лопаты, пока Рори торопливо шел прочь по полю.

– Я могу копать, – сказала она.

Могилка была уже настолько глубокой, что поглотила бы ее, если бы она забралась внутрь, но ей не было страшно. Ее отец, который всегда чувствовал, когда она пыталась разобраться в том, что происходит, выбрался из ямы и присел на край рядом с ней.

От него пахло землей и потом, его борода коснулась ее щеки, когда он прижал ее к себе. Две лопаты были прислонены к его колену.

– Ребенок не убивал твою мать, – сказал он. – Маму убил голод. Хозяева убили ее, когда забрали нашу еду.

Но девочка все еще думала, что ребенок может быть виноват. Этот ребенок стал причиной боли и крови. Не хозяева. Но она подумала, что отец не хочет этого слышать.

– Тебе очень грустно, па?

Рори приказал бы ей прекратить задавать вопросы. Но Рори сейчас стоял на другом конце поляны, глядя на раскинувшуюся внизу долину. А папа всегда отвечал на ее вопросы, даже на те, из-за которых ему приходилось надолго замолкать, закрыв глаза.

– Грустно, – наконец сказал папа. – И я очень рассержен.

– Ты это не показываешь?

– Я это не показываю.

До поборов это был их рефрен. Когда наш хозяин приходит, что бы ты ни чувствовал, не показывай это. Ты держишь это внутри, потому что так безопаснее всего.

Отец взял ее руку в свою и указал ее пальцем на неровную землю рядом с ними:

– Рядом с этой могилкой найдется место и для меня. А также для твоих братьев и сестер.

Она не заплакала. Она не показывала своих чувств.

– Нет, – ответила она. – Пока нет.

– Пока нет, – согласился отец.

Она услышала, как он произнес эти слова, и тут же передумала.

– Никогда, – заявила она.

От удивления у него заурчало в животе.

– Мой маленький жаворонок, моя Небесная Королева! – воскликнул он. – Ты еще слишком молода, чтобы раздавать приказы.

Это было глупо, потому что она не была королевой и не могла отдавать приказы, но она лишь еще сильнее прижалась к нему и не засмеялась в ответ. Когда он провел рукой по ее волосам, его широкая ладонь полностью закрыла ее голову.

– Твоя мать когда-нибудь говорила тебе, что у тебя ее волосы?

Девочка коснулась своей челки.

– У меня свои волосы, – сказала она.

Он улыбнулся, морщинами покрылось все лицо, борода пошла рябью. Уже несколько дней она не видела его улыбку.

– У тебя свои волосы, но они от нее, – сказал он. – Темные, как земля, рыжие, как пламя. Ты носишь ее в себе.

Она запустила палец в волосы, накручивая на него локон, и подумала: «У меня с собой частичка моей матери. Тайная частичка». Когда отец заставил ее встать и приказал, чтобы она шла в дом и помогла женищинам, она повиновалась. Ее отец закончил копать могилу в одиночку. Ребенка, который умер вскоре после рождения, похоронили рядом с матерью.

Когда зиму сменила весна, а весну – лето, ее сестра Лайла взяла на себя обязанности матери, а обязанности Лайлы перешли к ее сестре Хетти и к ней. Лайла заплетала им волосы, как это делала их мать. Тайком от Рори, Лайлы и папы они с Хетти иногда играли в старую игру «мама и малыши», но теперь от этой игры веяло отчаянием. Как будто притворство могло вернуть маму обратно.

– Нет, ты должна говорить так, как говорила мама, – требовала Хетти.

Но она не могла вспомнить, как именно мама это говорила.

– У меня мамины волосы, – заявила она Хетти, которая не унаследовала мамины волосы.

Хетти разрыдалась. Она наблюдала, не показывая своих чувств, потому что так было безопасней. Она спросила Хетти, не хочет ли та поиграть в другую игру, и Хетти проглотила слезы, вытерла глаза и кивнула. И тогда они затеяли игру в «созги деревню», и она позволила Хетти быть повелителем драконов.

В течение нескольких теплых месяцев у них было достаточно еды, чтобы не голодать, но этого не хватало для уплаты налогов и запасов на зиму. Снова нагрелась беда. В конце лета, когда в ее унаследованных от мамы волосах появились золотистые прядки от жаркого солнца, в небе снова показались драконы-грозовики. Повелители драконов возвращались в свои загородные поместья на время сезона, и скоро начнется сбор урожая.

В доме Дона Маки, одного из деревенских предводителей, мужчины Холбина добавили последний указ глашатая к куче извещений, присланных от имени Леона Грозового Бича и Дракархии Дальнего Нагорья. Девочка, незаметно проскользнувшая мимо мужчин, изучала этот указ, как и предыдущие, стоя на коленях на длинной скамье Маки между отцом и Рори. Мужчины говорили о подвалах, о тайниках и собранной провизии, о том, сколько и что можно спрятать, но она не слушала.

– Слишком рискованно, – заметил Дон Маки.

– Так же, как и еще одна зима после потери урожая, – ответил ее отец.

– Что значит «ослуживание»? – спросила девочка.

– Ослушивание, – машинально поправил ее отец. – Это когда ты не подчиняешься своему господину.

– Сайлас, – сказал Дон Маки, кивнув на нее, – взгляни-ка на свою дочь.

Мужчины молча наблюдали за девочкой, которая водила пальцем по написанному указу, ее губы шевелились, когда она вспоминала слова глашатая. Она незаметно делала это на их собраниях уже несколько месяцев, прячась в тени отца. И теперь достаточно понимала большую часть слов на странице, чтобы разбирать символы и превращать их обратно в звуки.

– Она не?..

– Я думаю, что да.

Папа провел пальцем по верхней части страницы:

– Что здесь написано, Антигона?

Девочка подвинула его палец с правой стороны пергамента на левую.

– Это начинается здесь, – сказала она.

После этого случая отец специально приводил ее на все собрания. Мужчины Холбина были ей рады. Не потому, что у них было что-то новое, что она могла им прочитать, а потому, что она стала в некотором смысле их талисманом. Эта крошечная девочка с длинным и сложным именем, которая разбиралась в буквах не хуже любого господина. Иногда развлечения ради они заставляли ее читать старые указы. Иногда отец сажал ее на плечи, чтобы отнести домой, и она чувствовала себя достаточно высокой, чтобы коснуться летних звезд, и представляла, что парит высоко, словно драконы, которые кружили в небе.

– Ты притворяешься, – говорил Рори. – Папа верит, что ты умеешь читать, потому что ты его любимица.

Первая часть задела ее больше всего, потому что это была неправда, но она понимала, что Рори ревнует ее к отцу.

– Это не так, – ответила она.

Когда она рассказала об этом Лайле, сестра сказала ей, чтобы она не обращала внимания на Рори. Ему было горько, потому что он был маминым любимчиком, а теперь ее не стало.

Она заметила, как именно Лайла это сказала.

– А чья ты любимица? – спросила она Лайлу, заплетавищу косу.

– Ничья, – ответила Лайла после минутного раздумья.

– Тогда ты будешь моей любимицей. А Хетти может быть твоей, а Гарет – любимцем Хетти, так что все будет по справедливости.

Она испытала радость, приняв это решение. Это напомнило ей весы, которыми пользовался секретарь хозяина в день сбора податей, только она представляла себе не две чаши, а пять. Лайла, Рори, Хетти, Гарет и она. Все они представляли идеальный баланс вместе с тем, кто любит их.

– Ах ты глупышка, – сказала Лиля с улыбкой в голосе и перевязала косу. – Ты не можешь сделать так, чтобы все было по справедливости.

Приближался день сбора податей. Погреба были вырыты, заполнены припасами и спрятаны. Мужчины спорили о том, сколько можно отложить и безопасно припрятать. Погреб папы оказался самым большим из всех, и он поклялся на могиле своей жены, что ни один его ребенок не будет голодать этой зимой. Мальчики упражнялись в поклонах, девочки – в реверансах, а папа на всякий случай проверял, хорошо ли они знают Мольбы наизусть. Раньше этим занималась мама, и папе это очень не нравилось. В этом году эта обязанность перешла к нему, и он заставлял детей зубрить Мольбы до тех пор, пока дети не выучили все строчки наизусть. Мама всегда уверяла их, что эти знания никогда не понадобятся, но папа не дал им такого обещания. Вместо этого он добавил свои собственные детали к этому уроку:

– Они смотрят, как мы преклоняем колени, видят наши затылки и думают, что мы сдались. Они не понимают, что на коленях можно думать так же ясно, как и стоя с поднятой головой.

Они тренировались перед домом. Дверь в потайной погреб была скрыта камышом в трех метрах от них. Дети стояли на коленях, а отец стоял перед ними, изображая их господина. До этого момента дети постоянно хихикали, видя, как Хетти и Гарет толкают друг друга в бок, стараясь при этом сохранять невозмутимость. Но после последних слов папы все проказы прекратились. Они почувствовали, как серьезность происходящего буквально пригвоздила их к земле.

– Рори, – спросил папа у своего стоящего на коленях сына, – о чем ты думаешь?

– Я думаю о зерне, которое мы спрятали и о котором не знает мой господин, не знает, что мы спрятали его в безопасности, – ответил Рори, уставившись в землю.

Папа двинулся дальше, задавая тот же вопрос каждому ребенку.

Когда он спросил Антигону, она ответила:

– Я не показываю то, о чем думаю и что чувствую.

Она не поднимала глаз от земли и не могла видеть выражения лица своего отца.

– Хорошо, – сказал он.

В день поборов папа и Рори потащили телегу, груженную зерном и другими подношениями, по тропинке в центр деревенской площади. Лайла несла корзинку с хлебом, а младшие дети замыкали шествие. Дракон уже сидел на своем насесте, отбрасывая огромную тень: это был огромный грозовик с красными кончиками крыльев и альым гребнем. Лайла сказала им, что смотреть на дракона – плохая примета, но когда сестра отвернулась, она рискнула поднять взгляд на огромного грозовика и увидела, что он в ответ, прищурившись, смотрит на нее. Она почувствовала, как страх волнами накатывает на нее, но в то же время здесь было что-то еще. Волнение.

Когти, крылья, сверкающая чешуя делали его самым красивым животным, которое она когда-либо видела.

Очередь двигалась медленно. Их повелитель не торопился, расспрашивая каждого члена семьи, милостиво улыбаясь и мягко произнося слова на каллийском. Когда подошло время ее семьи, их повозку подкатили к дому для осмотра, пока они отвешивали поклоны, в которых так долго практиковались.

Она затаила дыхание, когда секретарь назвал господину цифры. Заметит ли он, что их подношение представляет собой лишь часть того, что они спрятали в подвале? Секретарь нахмурился над цифрами и уже собирался задать вопрос Леону, когда внимание господина привлекло что-то еще.

– Твоя жена, – сказал он. – Почему ее здесь нет?

Сайлас стиснул пальцы на груди.

– Она умерла, ваша светлость, при родах.

Она заметила, что он не назвал причину смерти, о которой рассказывал ей. Он не упомянул ни голод, ни бедствия, ни налоги Леона.

– Мне жаль это слышать, Сайлас, – сказал Леон.

И он действительно выглядел так, будто ему жаль. У него были очень добрые серые глаза, которые смотрели на встревоженную семью Сайласа, сгрудившуюся у него за спиной. Секретарь молчал, поджав губы.

– Она оставила после себя прекрасную семью, – сказал Леон.

– Спасибо, господин.

– Все ли они были представлены мне? Самая младшая?..

– Простите меня, мой господин, я сам не свой. Это Антигона, которая только что достигла разумного возраста.

В этом не было необходимости, но Лайла надавила ей на спину, когда она еще сильнее присела в реверансе под взглядом серых глаз повелителя.

– Антигона, – задумчиво произнес Леон. – Это имя из драконьего языка.

Он говорил задумчиво, и по мере того, как его любопытство росло, не осталась равнодушной и его самка, сидевшая наверху. Она вскинула голову, ее гребень слегка приподнялся, словно по ее спине пробежала рябь, когда она, обернувшись, уставилась на своего наездника и на семью, с которой разговаривал хозяин. Почувствовав интерес дракона, она ощутила, как шея покрылась гусиной кожей, однако из ноздрей самки не валил дым, не было никакого предупредительного знака. Дрожжащим голосом отец ответил:

– Я услышал это имя в песне. Прошу прощения, мой господин, надеюсь, это не оскорбит вас.

– Вовсе нет. Мне нравится думать, что гордые имена, которые носят мои крепостные, лишь укрепят величие Дома Грозových Бичей.

Сайлас поклонился. Дракон опустил голову, и его глаза снова закрылись. Леон сказал девочке:

– У меня есть сын чуть старше тебя.

– Повелитель, – ответила она, не отрывая глаз от его великолепных сапог.

Леон Грозовой Бич кивнул своему секретарю, который недовольно закатил глаза к безоблачному небу. Секретарь взял два батона хлеба из корзины с их подношениями и, сунув их в руки Антигоне, объявил на ломаном каллийском с четким дворцовым акцентом:

– В знак соболезнования утрате вашей семьи.

Она крепко обхватила руками возвращенный хлеб и сделала реверанс перед своим господином, не показывая своих чувств. Сайлас хрипло произнес:

– Прошу моего господина принять благодарность своего слуги за незаслуженную доброту.

Взглянув на своего отца, согнувшегося вдвое, она увидела, что его шея ярко покраснела.

Леон взмахнул рукой, и секретарь крикнул:

– Следующие!

В тот вечер в деревне был праздник. Зерновые подношения были приняты, оправдания были куплены, добродушие Леона помогло жителям Холбина успешно осуществить свои замыслы. В доме Сайласа хлеб, который их господин взял, а затем вернул им, поделили на несколько частей и, макая ломти в мед, спрятанный в потайном погребе, устроили пиришество. Они пили за своего господина, за его милосердие и его глупость. Они пили за мать, которую он убил.

На следующее утро тень прошла над их полями. А перед домом Сайласа приземлился грозовик с красным гребнем. Солдаты, прибывшие из Харфаста – сердца Западной Триархии, ворвались в деревню и окружили двор Сайласа.

Леон сегодня выглядел таким же добродушным, как и накануне.

– Я разговаривал со своим секретарем. Кажется, произошла ошибка.

Сайлас поклонился не так, как накануне, когда просто низко склонил голову, теперь он встал на колени и уперся руками в грязную землю. Дети у него за спиной последовали его примеру. Именно этот поклон они так долго тренировали с отцом, только на этот раз это не было притворством. Он начал произносить Мольбы, которым учил своих детей, те, которые использовались только в конце. Несколько солдат стояли между ним и его семьей, окружая дом, в то время как другие обыскивали двор. Когда тайный погреб был обнаружен, у Сайласа закончились Мольбы.

– Твой любимый, – сказал Леон. Его слова прозвучали с вопросительной интонацией, но Сайлас не смог на это ответить.

Когда ее отец начал плакать, она подумала: «Он не должен показывать свои чувства».

Она настолько ошолбелась, глядя на отца, на своего господина и на его дракона, пикирующего вниз, что не замечала Рори, пока тот рывком не заставил ее подняться. Он тер ладонями глаза.

– Иди к нашему повелителю, – приказал он.

Меньше всего ей хотелось приближаться к их повелителю или его дракону.

– Нет.

– Элли, иди, – снова потребовал он. Его голос, который так часто становился скрипящим и резким, когда брат бывал недоволен ею, внезапно стал очень спокойным. – С тобой все будет хорошо.

Лайла слегка подтолкнула ее, и ее ноги медленно понесли ее вперед.

Она шла к повелителю драконов, а ее отца уводили от него. После она пыталась вспомнить, как они встретились с ним перед тем, как его затащили в дом. Опустился ли он на колени, чтобы поприветствовать ее, чтобы в последний раз поцеловать в лоб в то мгновение, когда она уходила от смерти, а он шел к ней навстречу? Но, по правде говоря, она вообще не помнила, как прошла мимо него. В ее памяти остались лишь повелитель, его дракон, грозными тенями маячившие впереди, и ее тяжелые шаги, когда она на негнущихся ногах приближалась к ним. А потом она обернулась и увидела, что ее отца, стоявшего к ней спиной, вместе с братом и сестрами ведут в дом.

– И снова здравствуй, Антигона, – мягко сказал Леон, увидев, кто был выбран. – Подойди.

Он потрепал ее по затылку, словно отец, который хочет успокоить ребенка, или же всадник, ободряющий обеспокоенного дракона.

Самка дракона-грозовика была напряжена, ее ноздри дымились. Она больше не казалась девочке прекрасной. Леон громко огласил свой приговор на драконьем языке. В тот момент девочка ничего не поняла, но много лет спустя, вспомнив название наказания, она нашла и прочитала слова в далекой библиотеке, сразу же узнав их.

– Пусть собственный дом станет гробницей для того, кто заслуживает наказания дракона.

Он отдал приказ своему дракону, и ее дом стал гробницей.

Когда начался пожар, она старалась не показывать своих чувств. Однако у нее не получилось. Они выплеснулись наружу вместе с Мольбами, которым ее научил отец. Но Леону не было дела до ее чувств и до Мольбы. Он нежно обнимал ее, но не позволял отвести взгляд от огня.

– Да, – сказал он наконец, – это ужасная потеря.

Он повернул ее к себе и утер ее слезы пальцами в перчатках. Он погладил ее по голове, как отец на могиле ее матери. Она была так расстроена, что прижалась к нему.

– Вот, дитя. Теперь ты усвоила урок, не так ли? Ты расскажешь друзьям отца в деревне?

Леон поднял ее на ноги и опустился на одно колено, чтобы встретиться с ней глазами, словно хорошо знал, как надо объясняться с детьми.

– Когда ты пытаешься бросить нам вызов, мы забираем все, что у тебя есть.

Часть 1

Революция

1

Итог

ДЕЛО НОВЫЙ ПИТОС

Сегодня канун Долгожданного Возвращения, и я собираюсь потерять все.

Все. Вот кем он стал для меня, этот мальчик, который стоял на коленях рядом со мной, а я смотрел на свою семью, на придворных и чувствовал себя так, словно я чужой для них. Грифф Гаресон, смиренный наездник, крестьянин, которого я никогда не должен был бы полюбить. Я смотрел на его влажные кудри, на ожоги, покрывающие его шею, и жалел, что мы не одни и я не мог поцеловать все это в последний раз. Я восхищался тем, как уверенно он держится, высоко вскинув голову.

Неужели он не понимал, что происходит?

– Почему ты отдал его ему? – спросила леди

Электра.

Я совершил преступление, отдал Гриффу Гаресону ключ от намордника его дракона, закованного в цепи, на котором он отправился на поиски Антигоны, Первой Наездницы Каллиполийского флота, и шпионил против нас.

Сегодня преступления Гриффа были раскрыты, и они не смогли помешать нашим планам. Иксион все еще намерен поставить Каллиполис на колени, воспользовавшись помощью чужеземной принцессы и пообещав хлеб жителям города. И сейчас я ближе к возвращению в свой родной дом, чем за все эти десять долгих лет изгнания. Мне следовало бы радоваться нашей победе.

Но я могу думать лишь о том, что тот, кого я люблю, вот-вот будет сброшен с дракона.

Все драконорожденные изгнанники, собравшиеся в этой комнате, не сводили глаз с меня, с него и делали собственные предположения. Судя по всему, они считали меня влюбленным дураком и были слишком обескуражены, чтобы спросить, что он сделал с этим ключом.

Я сам был обескуражен. Я и сейчас обескуражен. Но я никогда не был дураком. Я не спрашивал, что он сделал с этим ключом, но я знал.

Я позволил ему.

Почему? Вот вопрос, который повторялся снова и снова, словно звук отполированных морскими волнами камешков в моей ладони. Почему я допустил это предательство?

Я, как и все остальные, с горячим нетерпением ждал Долгожданного Возвращения в Каллиполис. Я жаждал вернуться домой. Тоска по Летнему дворцу Небесных Рыб была подобна жуткой боли, и я по-прежнему, даже десять лет спустя, просыпался от снов, в которых ощущал запах Медеанских волн, распространявшийся по залитым солнцем мраморным залам, и слышал призрачный смех матери, которую узурпаторы отняли у меня.

– Рад был служить всем вам, – произнес Грифф, низко кланяясь, прежде чем его выволокли из комнаты.

Как только его увели, отец выдвинул единственное требование, соразмерное с моим провалом:

– Ты будешь тем, кто сбросит его.

* * *

Несколько часов спустя в дверь моих покоев, где я ждал рассвета, постучали, и я очнулся от раздумий. Толстые тома, разложенные на моем столе, были полны древних поэм, описывающих похождения славных героев, я не отрываясь смотрел на них с тех пор, как зажег лампу и опустился в это кресло несколько часов назад. Но сегодня вечером мои прежние детские утешения не сработали.

За дверью оказалась молодая норчианка с запиской.

Мабалена, которую все зовут Лена, когда-то была смиренной наездницей, как Грифф.

Ее хромота, странно изогнутые конечности и перекошенное лицо – напоминание о наказании, которое она понесла шесть лет назад. Ее признали виновной в подстрекательстве и сбросили с дракона, как собирались поступить и с Гриффом – хотя только идиот мог поверить, что милая, неуклюжая Мабалена способна на то, в чем ее обвиняли. С тех пор она служила в Крепости. Она жила в Подземелье, в незапертой камере, ведь не было никакого смысла запираť Лену. Ей было некуда пойти.

Для нее падение стало пожизненным приговором к боли. Для Гриффа же это будет казнью.

– Послание от господина Роуда, мой господин.

Роуд написал: *Не спеши отчаиваться, брат. Ведь есть еще много крестьян, чтобы согреть твою постель.*

В такие моменты я изо всех сил старался вспомнить детство, в котором мы с Роудом были друзьями.

Я взглянул на Мабалену поверх письма, она ждала, потупив взгляд, ее лицо казалось спокойным, ее обычно спутанные волосы выглядели гладкими, словно по ним недавно прошли грубой щеткой. Глядя на эту сломленную невзгодами девушку, трудно было представить, что когда-то она летала на драконе. Незаданные вопросы завяли на корню много лет назад: *Они прикасаются к тебе? Делают ли больно?* Те же вопросы, которые я научился не задавать Гриффу, когда Джулия приказывала ему явиться к ней, а потом начинала над ним насмехаться. Чем могли помочь мои знания? Ничем. А когда ничего нельзя сделать, стоит проявлять благоразумие.

Раньше я размышлял, что не так со мной, почему я испытываю *эти чувства*. Я не мог разобраться, кто из нас испорчен больше – я или моя семья.

Но сейчас, когда Гриффа вот-вот сбросят с дракона, было поздно думать об исцелении. Я шагнул к камину и бросил в него записку. Мабалена смотрела, как сторал пергамент, и пламя отражалось в ее глазах.

– Как поживает каллиполийский узник?

Взгляд Мабалены метнулся от огня ко мне. Ее глаза лишь на мгновение задержались на моем залитом слезами лице.

– Он стойко переносит свои страдания, – сказала она. – Он скучает по своей небесной рыбке. Но он добрый. Мы немного разговариваем на драконьем языке. Постепенно он поправляется, его раны заживают.

Все пленники – подопечные Мабалены, но я заметил, что, когда я сдал Дака Саттера на ее попечение два месяца назад после того, как обнаружил его, непонятно как выжившим, в обломках пожарища, я заметил, что она проявляет к его лечению особый интерес. Она понимала печаль каллиполийца из-за гибели своего дракона, знала, каково это – пережить смертельное падение и жить с разбитым вдребезги телом, как Дак Саттер.

Я надеялся, что они помогут друг другу. Тем не менее я оказался совершенно не готов к тому, что она пробормотала дальше:

– Этот каллиполиец... озарил солнечным светом мою тьму, мой господин.

Она произнесла это так, словно сомневалась, что это хорошо. На мгновение ее выражение лица сделалось таким беспомощным, что казалось, будто она предстала передо мной обнаженной.

Милая Мабалена, которая так больно упала. Разве она не знала, что счастье – это то, чем нам не позволено обладать?

Я указал на кресло между нами, и Лена устроилась в нем, словно птица в гнезде. Я устроился напротив. Выражение ее испещренного шрамами лица сделалось еще более обескураженным, когда я налил вино в два кубка и протянул один ей. Она выпила его вместе со мной.

– Гриффа признали виновным в измене.

Ее пальцы стиснули кубок. Только Мабалена по-настоящему могла понять, что предвещает это слово.

– Отец приказал мне это сделать.

– Тогда вам следует это сделать, – сказала она.

И только когда она произнесла эти слова и я не удивился, понял, что это именно то, что я хотел от нее услышать.

Потому что я тоже так думал.

Глаза у Лены льдисто-серые. Как будто из них вытравили цвет.

– Вы можете все сделать правильно – ради его семьи. Вы можете спасти его семью.

В прошлый раз это сделал Роуд. Он был тем, кто решил бросить семью Лены, а потом и ее саму.

Я закрыл глаза. И в следующий момент ощутил легкое, прохладное прикосновение к лицу: Мабалена коснулась пальцами моей щеки.

– Перед тем как Роуд передал мне послание, – прошептала она, – я видела вашего Гриффа в камере, куда его посадили. У него тоже было послание.

Я смотрел на нее, чувствуя бешеное биение сердца.

– Что он сказал?

– Он сказал, чтобы вы отправились с Депайрой на прогулку перед казнью. Отправляйтесь в долгий полет. Соберитесь с духом, облетая окрестности, а вернувшись – исполните свой долг.

ЭНИИ

Они собирались сбросить Гриффа на рассвете, но мы были готовы задолго до этого.

Карстовые столбы вокруг Нового Пифоса черными пальцами выделяются на фоне серого неба, когда мы с Аэлой покидаем логово Крепости Полуаврелианцев. В короне карстового столба клана Торнроуз, среди засохших кустов ежевики, которой поросло святилище, прячется Агга, сестра Гриффа, со своими двумя детьми. Их спрятали здесь, когда наступила темнота. Все трое выходят мне навстречу, когда Аэла приземляется, и маленький мальчик, Гарет, зовет меня к краю обрыва, где я могу наблюдать за восходом солнца.

Гарет. То же имя и почти тот же возраст, что и у моего брата, когда он погиб. Наши языки, каллийский и нориш, имеют общие корни, и у нас, как и у норчианцев, зимы были влажными и голодными. Я не могла отделаться от ощущения, что у меня гораздо больше общего с этой крестьянской семьей, жившей на другом берегу моря, чем с каллиполийской элитой, с которой я училась последние десять лет. Агга была чуть старше меня.

Ее дочь, Бекка, держалась на расстоянии, медленно переводя взгляд с меня на дракона. Она почти не моргала, словно боясь, что мы можем исчезнуть, если она не будет держать глаза широко открытыми.

– Все готово, – сказала я Агге.

Ее голос прозвучал тихо:

– Яд?

В логовах еще было темно, когда мы с Аэлой покинули их. Запах копченой рыбы и обгоревшей кожи был похож на тот, что стоял в гнездах в Каллиполисе, хотя бормотание норчианских оруженосцев, друзей Гриффа, был слишком тихим, чтобы его можно было понять после всего лишь одного семестра изучения нориша. Я не знала этих драконов, но оруженосцы знали, и потому я отдала им амфору с драхтаназией и велела разделить яд на несколько частей.

– Это сделали оруженосцы. А мы с Аэлой позаботились о намордниках.

Вместе с девушкой-оруженосцем по имени Фийонна во главе мы с Аэлой медленно двигались по сырому коридору логова, Аэлла хватала зубами один железный намордник за другим и выдыхала пламя до тех пор, пока металл не раскалялся добела и не лопался. Когда мы освободили рыжего дракона-аврелианца Фийонны с бездонными черными глазами, девушка с облегчением расслабила плечи, а дракон заскулил.

В сером призрачном свете казалось, что глаза Агги сияли белым светом.

– Они теперь могут свободно летать? Они могут стрелять?

Я кивнула:

– Дежурный оруженосец выпустит их по нашему сигналу.

Я попросила Аггу показать мне, где будут сбрасывать Гриффа, указав на силуэт главного острова. Ее дрожащий палец уткнулся в Курган Завоевателя, покатым холм, возвышавшийся в центре норчианских деревень, напротив Крепости Полуаврелианцев, над которой возвышалась статуя вторгшегося на остров повелителя драконов. Норчианцев должны согнать толпой, чтобы наблюдать за казнью, чтобы преподать урок.

Смотреть на смерть Гриффа Гаресона, осужденного за измену.

Гриффа Гаресона, приговоренного к казни за сговор с Первой Наездницей Каллиполиса. За сговор со мной.

И мы превратим этот момент в возможность, в которой так нуждался Грифф, чтобы устроить свою революцию. Дед Агги, Грэйди, сейчас собирал надежных представителей четырех норчианских кланов, будил деревенских старейшин и распространял информацию, чтобы подготовиться к войне.

– Не думаю, что ты отравила их всех, – сказала Агга.

Я уже хотела спросить, откуда она знает. Там были пустые стойла, где должны были находиться некоторые из драконов, и, видя это, мы все ощутили томительное беспокойство. В стойле не оказалось грозовика Иксиона – Нитера, а также дракона, принадлежащего Фрейде, басилеанской принцессе, расположения которой добивался Иксион. Ее голиафан, могущественный дракон родом с континента, по слухам, был достаточно велик, чтобы заслонить небо. Но оруженосцы все равно наполнили кормушки отсутствовавших драконов отравленным кормом, уверяя меня, что они, должно быть, отправились в патруль и вернутся до рассвета.

Когда я проследила за взглядом Агги, то поняла, что она имеет в виду конкретного дракона.

В нескольких милях от нас вырвалась из облаков небесная рыба, ее стройный силуэт казался серой линией на фоне клочьев тумана, низко висящего в утренней мгле, ее узкие крылья превращались в прямую полосу, когда она скользила по ветру. Ее наездник был похож на крошечного игрушечного солдата на ее спине.

Я протянула руку к Аэле, успокаивая ее.

– Всем пригнуться.

Мы опустили колени в зарослях папоротника, пока небесная рыба проносилась у нас над головами.

До меня донесся пронзительный шепот Гарета, искавшего взглядом дракона:

– Разве это не Джепайра? Это Дело сюр Джепайра. Мы не должны бояться Дело.

Агга заставила Гарета опустить голову, прошептав в ответ:

– Сегодня – должны.

Я ощутила, как крошечная ручка скользнула в мою ладонь, и обнаружила, что Бекка присела рядом со мной. Она смотрела вверх, не на дракона, а на мое лицо. Ее крошечные ноготки впились в мою ладонь. Застывшая рядом с нами Аэла обхватила себя янтарными крыльями и, вывернув шею, одним зрачком следила за драконом, пролетающим над нами.

Взмахнув хвостом, Гефира скрылась в полосах тумана.

Бекка разжала ладонь, отпустив мои пальцы. Гарет стряхнул с себя руку матери. Мы поднялись, и взгляд Агги задержался на облаках, в которых исчезли Дело с Джепайрой.

– Бедный мальчик, – пробормотала она. – Они заставят его сделать это.

Я вспомнила, как дрожал голос Гриффа, когда я учила его писать имена его семьи и он попросил добавить еще одно. Как он старательно выводил имя «*Дело Небесная Рыба*» в тетради. Я поднялась на ноги, смахивая веточки с колен.

– Я думал, что драконорожденные часто брали любовников из крестьян в свои постели.

– В постели – да. Но не в сердца.

Итак, это было не похоже на поведение прежних повелителей драконов, а больше походило на меня и Ли. Или на ту ситуацию, если бы его отец был жив, а Ли был бы предан своему народу, когда он учился любить меня.

Возвращайся ко мне, сказал Ли.

И я вернусь, как только закончу эту работу.

– По крайней мере, Грифф будет единственным, кого ему придется бросить.

Оруженосцы рассказывали мне, что в последний раз, когда норчианскую наездницу сбросили с дракона, вместе с ней была сброшена и ее семья. Они шепнули мне ее имя: Мабалена. Эта история и их благоговейный ужас были слишком мне знакомы и не добавляли уверенности. Наши земли разделяли многие мили и море, но и здесь, и там, с огнем или без, повелители драконов наказывают семьи одинаково. Я стала Мабаленой своей деревни.

Поэтому именно я настояла на том, чтобы перевезти Аггу и ее детей сюда, ради их безопасности, пока план не будет завершен.

Поскольку это была моя забота, меня немного удивили следующие слова Агги:

– Я благодарна вам за помощь сегодня. – Дети не слышали ее приглушенный голос за свистом ветра. – Но хочу, чтобы ты знала: когда я услышала, что он встретился с тобой, я плакала.

В ее глазах горел огонь, похожий на огонь в глазах Гриффа, когда она крепко вцепилась в плечо своего сына, осмелившись посмотреть мне в глаза. Ей потребовалось огромное мужество, чтобы сказать это: «Я вижу, как ее взгляд скользит по моему дракону, а затем возвращается ко мне».

Должно быть, это было похоже на то, как мой отец представил себе подвал, который он мог бы вырыть, и решил рискнуть, и это обрушило драконий огонь на наши головы.

Агга понимала, и я тоже, что я стала такой же авантюрой для Гриффа.

Я стала источником силы. Последним средством. В лучшем случае я меньшее зло.

Я – наездница дракона и явилась сюда, чтобы сделать свою работу.

– Ты была права, когда плакала.

Я потянулась к седельной сумке Аэлы. Сняла свой огнеупорный костюм и доспехи под прикрытием ее крыльев в дюнах далеко отсюда всего несколько часов назад; дрожащие пальцы Ли расстегивали застёжки. Платье и платок для волос, которые сейчас на мне, принадлежали Агге, и я чувствовала на себе ее взгляд, когда разворачивала их. Возможно, под шрамами от ожогов она видела такое же тело крестьянина, как у нее. А может, она просто видела городскую девочку, досыта наевшуюся во время своей службы, пытаюсь компенсировать голодное детство, и это превращало меня в нечто неузнаваемое. Дрожа, я разделась и втиснулась в свой огнеупорный костюм. Застегнула застёжки, которые расстегивал Ли, чувствуя, как колючие ветки ежевики касаются моей обнаженной кожи, по которой бегут мурашки.

Когда я потянулась за баллоном с охлаждающей жидкостью, то обнаружила, что маленькие руки держат седельную сумку.

– Я могу помочь тебе.

Рука Агги дернулась, чтобы удержать Бекку.

– Бекка, не мешай...

Но Бекка отстранилась, и я услышала свой голос:

– Все в порядке.

Бекка оказалась очень старательной помощницей. Она наблюдала за мной, пока я откручивала клапаны охлаждающей жидкости шлема и заливала внутрь жидкость из канистры. Когда пришло время заняться задней частью моего костюма, она подошла ближе:

– Я могу помочь.

Я опустилась на колено, чтобы быть на уровне ее роста.

– Спасибо.

Я чувствовала, как маленькие пальчики закручивают каждый клапан вдоль плеч сзади.

– Для чего это?

– Если я обжигаясь, то заливаю костюм охлаждающей жидкостью. Тогда не так больно.

Наблюдая за нами, Агга так сильно потирала подбородок, что мне казалось, что она натрет мозоль.

– Я хочу стать наездницей дракона, когда вырасту. Как ты. Я буду Первой Наездницей.

Пока она не произнесла эти слова, я почти забыла, что когда-то тоже мечтала об этом звании.

– Это нелегкая работа.

Бекка пожала плечами:

– Я не боюсь. – Она поставила канистру на землю. – Теперь доспехи?

– Теперь доспехи.

Я показала ей, как закреплять пластины, кирасу, панцирь, наручные и ножные щитки. Когда пришло время вооружить Аэлу, я показала, как нагрудник застегивается на мягком подбрюшье, чтобы обеспечить дополнительный слой защиты от копьев снизу. Аэла сидела неподвижно, следя за работой Бекки одним прищуренным глазом, слегка подергивая хвостом.

«Ты ей нравишься».

Бекка взглянула снизу вверх на дракона и непонятно было, кому она задала вопрос – Аэле или мне:

– Ты собираешься спасти моего дядю?

Аэла выдохнула небольшую струйку дыма.

– Да, – ответила я.

– Ты собираешься освободить Норчию?

Агга, наблюдающая за происходящим, казалась потрясенной. Аэла опустила морду к протянутой ладонке Бекки, и дрожащие пальцы девочки коснулись ярко сияющей янтарной чешуи между ее ноздрями.

– Я на это надеюсь.

– Я могу помочь, – сказала Бекка.

Я вспомнила, как тянулась за лопатой около маминой могилы и говорила своему отцу те же слова. Теперь я поняла, почему он обнял меня, вместо того чтобы ответить. Я показала свои нарукавные щитки:

– Ты помогла мне. Видишь?

На горизонте, где обрывались низкие облака, забрезжил розоватый свет. Звон колоколов из крепости слабым эхом разносится по воде. Крепостные ворота открывались, шествие вот-вот должно было начаться. Когда я потянулась за шлемом, Агга протянула его мне.

– Да хранят тебя святыни, – произнесла она.

ЛИ

КАЛЛИПОЛИС

В утро первого Народного собрания я проснулся, испытывая тревогу за Энни и судьбу Революции, которую она отправилась разжечь на Новом Питосе. Я не беспокоился о том, что случится сегодня дома, в Каллиполисе. Даже когда сотрудник министерства предупреждает меня о том, что над нами нависла угроза, а именно триархистский заговор с целью вернуть мою семью к власти, я не придавал этому значения.

Я не обращал на это внимания до того момента, как Иксион Грозовой Бич, мой кузен, не приземлился рядом со мной в центре Орлиного гнезда на открытии Народного собрания.

Иксион изучил историю Революции так же хорошо, как и я. Он знал, как происходят удачные перевороты и какие провалы случаются. Не тратя времени зря, он сообщил мне, что ворота в драконьи логова заблокированы, высокопоставленные чиновники революционного режима окружены во дворцовой ложе, а Стражники изолированы в Обители.

Затем он предложил народу хлеб Фрейды и приписал эту милость мне.

Мы стояли плечом к плечу в Орлином гнезде, глядя на первое за последнее десятилетие Народное собрание. Над головой в голубом небе, озаренные ярким солнечным светом, кружили голиафан и его принцесса, отбрасывая тень империи на город-государство Каллиполис.

– Вы наблюдали, как революционный режим потерпел неудачу, – обратился Иксион к Народному собранию. – Вы страдали из-за некомпетентности Атрея Атанатоса. Вы жаждали вернуться к правителям, которые были рождены, чтобы служить вам.

Он взял меня за руку.

Я мог бы вырвать ее и осудить его поведение. Но мне было любопытно, насколько далеко он пойдет. Перед Народным собранием Миранда Хейн предупредила о тайной организации, триархистской группировке, которая сговорилась с Иксионом, – Орден Черного Клевера. Если предположить, что у Иксиона больше поддержки, чем мне казалось, Стражники и их драконы в опасности. И если он не лгал, когда сказал, что Дак жив и находится в плену на Новом Питосе, у него есть рычаг давления на близкого друга Энни и брата Кора.

И я не оттолкнул его руку, позволив ему поднять ее вверх.

– Давайте вернемся к нашим корням, – продолжал Иксион. – К тому, что правильно. К тому, что естественно. И пусть голод, несправедливость и невзгоды, пережитые за десять лет, канут в прошлое.

Народное собрание проголосовало за восстановление представителей триархии как полноправных правителей Каллиполиса. Они приняли предложение Фрейды о продовольственной помощи от ее империи.

Они так долго страдали и голодали, что, кажется, даже не вспомнили, что именно воздушные удары Иксиона вызвали нехватку продовольствия.

Или, возможно, из-за надвигающейся тени голиафана они не хотели протестовать против этого.

– И все благодаря моему кузену, Лео Грозовому Бичу, чье приглашение сделало возможным наше возвращение, – сообщил Иксион Народному собранию.

Ужасно наблюдать, как реформа, за которую я боролся, моментально была отменена. Но еще хуже слышать, как мое имя произносили, благодаря за это. Народом, чьей помощи мы просили, был народ Деймоса, демократическое государство без драконов. Но теперь уже слишком поздно исправлять Иксиона.

Аплодисменты оглушили меня.

– Ты идиот, – сказал я Иксиону, потому что чувствовал себя самым большим идиотом на свете.

– Громкие слова от того, кого так просто обвели вокруг пальца.

– Меня обвели вокруг пальца? – Я указал на бассилеанскую принцессу, кружившую в небе на своем голиафана, которая только что добавила еще одну провинцию к своей империи.

– Ты имеешь в виду мою будущую жену?

Я пристально взглянул на него. Конечно, не мог же он быть настолько глуп. Но он ухмыльнулся в ответ, так что, похоже, я не ошибся в своем предположении.

– В любом случае, – он махнул рукой в сторону толпы, – я думаю, мы знаем, кто сейчас настоящие идиоты.

– Они голодны.

– Ну, скоро они не будут голодными. Зерно Фрейды должно прибыть в течение недели.

– Вместе с ее войсками?

Иксион вскинул плечо. Уклончивое подтверждение.

Значит, мы должны быть заняты. Какую бы сделку он ни заключил, она в обмен пообещала нашим врагам каллиполианскую автономию. Референдум Народного собрания, одобдивший ее, был лишь декорацией; войска Фрейды прибыли бы в любом случае. Граждане на этом Народном собрании, которые еще не догадались об этом, скоро все узнают.

Тень от медленно спускающегося голиафана Фрейды охватывает весь Верхний берег, и мы спускаемся по пандусу Орлиного гнезда под его сенью. У дворцового входа на арену, вне поля зрения публики, нас встретили Люциан Ортос, начальник штаба генерала Холмса, и адъютант. На лацкане Ортоса я увидел знак черного клевера Триархии в изгнании.

– Вы?

Он всегда был невыносим в классе и для Энни на заседаниях Военного совета, но сейчас все гораздо серьезнее. Люциан едва взглянул на меня.

– Холмс и Верховный Совет были помещены вместе с Атанатосом, мой господин.

Это более редко использовавшаяся фамилия Атрея...

– Отлично, – сказал Иксион.

Пальцы помощника дрожали, когда он ощупал мою форму Стражника, но он все равно выполнил свою работу, стараясь не встречаться со мной взглядом. Он вытащил кинжалы из моих сапог наездника и показал инкрустацию на одном из них Иксиону.

Вереск дома Грозových Бичей переплетается с инициалами, общими для моего отца и меня, Л.Г. Нож принадлежал моему отцу, но Иксион не знал, что именно Энни нашла и подарила его мне. Он внимательно рассмотрел реликвию, а затем взглянул на меня.

– А ты, – произнес Иксион, – вовсе не такое уж и дерьмо.

– Забавно. А я собирался сказать, что ты самое настоящее дерьмо.

Иксион разразился хохотом.

Он кивнул помощнику Ортоса. Тот изо всех сил ударил меня кулаком в живот. Я согнулся, хватая воздух ртом.

Вот и все.

2

Падение с дракона

ГРИФФ

НОВЫЙ ПИТОС

Единственный вопрос, который всплыл в моей голове, когда меня вывели из камеры, провели через крепость и к Кургану Завоевателя прямо перед рассветом, – это что будет с моей семьей, когда меня сбросят. Семью Мабалены убили, и у меня нет причин ожидать чего-то иного. Я боялся даже задавать себе вопрос, добрались ли Антигона с Аэлой из Каллиполиса и были ли отравлены кормушки, как мы и планировали. Все мои мысли были о сестре, ее малышах и дедушке, который все еще ждет, когда потерянный сын вернется из моря, которое его поглотило.

Я обещал Агге защищать их.

Мир по-прежнему выглядел серым и бесцветным, рассвет еще не забрезжил на лицах тех, кто собрался посмотреть на наше шествие. Чайки слишком сонные, чтобы кричать, а соленый воздух неподвижен и влажен. Кажется, будто весь остров ждет, затаившись.

– Грифф, я вымолил помилование!

Тонкий голосок, говорящий на драконьем языке, раскалывает тишину, и я обернулся и увидел юного Полуаврелианца – Астианакса. Он трусил рядом со мной, пока меня со скованными руками вели за телегой Спаркера. Я слышал, как няня мальчика шипела на него позади нас, но он не обращал на Ши никакого внимания. Он ровесник Гарета.

– Мне? – удивленно спросил я.

Астианакс, радостно улыбаясь, покачал головой:

– Спаркеру!

Он был так горд собой, что у меня замерло сердце. Лучше Спаркер, чем я.

– Этого будет достаточно, юный господин, – сказал я ему.

Он вернулся к своей мрачной семье, а меня повели на вершину кургана.

Все это слишком напоминало мне тот день, когда сбросили Мабалену: Спаркер, привязанный к телеге передо мной, его хвост тщетно бьется о цепи. Родные просторы, оруженосцы и Полуаврелианцы, и драконорожденные изгнанники, собравшиеся посмотреть, как я принимаю удар; а вокруг нас серое море прищуренных глаз и хмурых лиц, нахлынувшее на курган, – норчианцы, которых заставили в этом участвовать. Астианакс нервно раскачивался на руке своей матери рядом с Великим Повелителем Радамантом.

Я оглядываю людей из клана Наг в поисках своей семьи и не нахожу никого из них.

Где же они?

Охватившая меня паника заставила меня придумывать множество объяснений. Их похитили. Их держали взаперти, чтобы в последний момент вытащить в цепях и бросить следом за мной...

Дело шагнул вперед. Его небесная рыба, Джепайра, ждала позади него, и нас окружают остальные драконы триархов и их наездники: Феми, сестра Дело, длинный серебристо-голубой хвост ее небесной рыбы прорезал просеку в толпе дрожащих жителей деревни; Уран и Орион, младшие двоюродные братья Полуаврелианцы, застывшие бок о бок на своих короткошеих драконах-аврелианцах, злобно взирая на нас, и Роксана и Роуд, старшие дети Великого Повелителя, стоявшие рядом с родителями, как почетный караул верхом на драконах.

Роуд подмигнул мне. Он, вероятно, должен был взять на себя ответственность, если Дело струсит. А это, похоже, не за горами. Кожа Дело, обычно теплого смуглого оттенка, теперь приобрела пепельный оттенок. Пот каплями струился по его кудрям. Его глаза метались, он то

и дело переводил взгляд с меня в сторону. Если он получил мое сообщение о том, что должен выполнить свой долг, он не в восторге от этого.

Но у меня сейчас были более важные дела, чем беспокоиться о Дело Небесной Рыбе.

Как только меня отвязали от телеги, я бросился на колени и произнес:

– Помилуй, господин мой, раба твоего недостойного, пусть не будет заслуженное им наказание возложено на его семью, ни в чем не повинную...

Я выкрикнул Мольбу в надежде, что драконорожденный будет удовлетворен моим унижением. Я с удивлением слышал, как срывается мой голос, но я не пытался это скрыть. До меня донеслось хихиканье Роуда.

Голос Дело звучал едва слышно:

– Твоя Мольба принята твоим господином. Встань.

Я поднялся на ноги, голова кружилась от нахлынувшего облегчения. Мы стояли в метре друг от друга. Взгляд Дело скользнул мимо меня, в сторону клана Наг.

– Грифф, – выдохнул он, – где твоя семья?

Это меня удивило.

– Я думал, они у вас.

– Нет.

И тут я это заметил.

Самка дракона Роуда, Райла, вдруг поникла. Когда она обернулась, я увидел глаз, затянутый слизью.

Другие драконы тоже поникли, хвосты приникли к земле, крылья обвисли. И как никто из драконорожденных не заметил этого? Но затем я понял, что наездники выглядели не лучше. Обычно оливковая кожа Полуаврелианцев казалась почти зеленой; Феми потирала затылок с таким видом, словно ей чего-то не хватало.

За всю свою жизнь я видел такое только у одного человека. Нестор. Их отец, небесный вдовец.

Я перевожу взгляд с этих поникших драконов на серолицых драконорожденных, и святини помогают мне, я чувствую желание громко кричать от восторга.

Антигона все-таки пришла.

Моя семья пропала, потому что они в безопасности.

А эти проклятые драконы еще не мертвы, но они точно были отравлены. Если я не ошибаюсь, драхтаназия вот-вот их доконает. Эти бедные глупцы еще не знали, что именно заставляло их чувствовать себя больными.

На самом деле единственный дракон, который *не* поник, – это дракон Дело.

Я вспомнил инструкции, которые дал Мабалене, и едва не улыбнулся.

Похоже, Дело с Джепайрой получили мое сообщение, совершили долгий полет, и дракон пропустил завтрак.

ДЕЛО

Я думал, что мне это привиделось, когда мы с Джепайрой пролетели через Приют Моряка перед рассветом. Я думал, что мне привиделась янтарная чешуя, сверкнувшая на карстовой колонне клана Торнроуз.

Теперь, оглядывая курган, я уже не был так уверен. Где семья Гриффа? И почему остальные наши драконы выглядят так, словно вот-вот свалятся с ног?

Он велел мне передать тебе, чтобы ты забрал Джепайру. Отправился в долгий полет.

Что, если в этом предложении было что-то большее, чем обычная заботливость? Несколько недель назад был момент, когда мы с Гриффом обнялись во мраке драконьего логова и я как дурак просил его пощадить близнецов и моего дракона, что бы он ни задумал.

Янтарная чешуя на карстовой колонне клана Торнроуз Карст. Я был уверен, что видел их.

Я был почти уверен, что Грифф специально избегал моего взгляда. Но я и сам теперь не знал, что думать о нем. Сжав кулаки, я обернулся и подошел к Великому Повелителю Радаманту. Он стоял со своей семьей в месте, отведенном для этой церемонии. Маленький Астианакс прыгал, держась за локоть леди Ксанты, их старшие дети, Роуд и Роксана, возвышались на драконьих спинах, выглядя такими позеленевшими и потными, что от их вида накатывала тошнота.

– Я думаю, нам стоит отменить это.

– Дело струсил? Какой сюрприз, – пробормотала Роксана.

Она вытерла вспотевший лоб.

– Это не трусость. Что-то случилось. Его семья пропала...

– Значит, мы бросим их позже, – прорычал его отец из ложи Небесных Рыб.

– Я не это имел в виду...

Остальные слова застыли у меня на языке: янтарная чешуя, эти зеленолицые всадники. Неужели никто из них не видит поникших драконов? Но в голову закралась предательская мысль, и хотя я должен был бы беспокоиться о том, что этот заговор мог означать для моего народа, я обнаружил, что думаю о том, что это может означать для одного человека.

Потому что, если я действительно видел янтарную чешую, у Гриффа, возможно, появится шанс.

Отец шагнул вперед:

– Или ты сбросишь его, – произнес он, – или это сделает Роуд.

Судя по его тону, он не скрывал, что подумает обо мне, если я послушаюсь.

Знакомое разочарование в его голосе запускает мою извращенность как часовой механизм. Какие бы доводы я ни приводил, я знаю, что отец воспримет это как еще одно доказательство моей *слабости*. Я стиснул челюсти и, развернувшись, направился к Джепайре, засунув ногу в стремя.

Да будет так.

Поднявшись в воздух, я ринулся вниз. Грифф, замышляющий недоброе, потный от волнения негодяй, исчезает под нашим крылом. Я ощутил инстинктивное удовлетворение Джеп так ястреб пикирует на добычу, – когда она вцепилась когтями в его плечи. Потому что, в отличие от этих угасающих драконов вокруг нас, моя Джеп летала просто отлично. Похоже, ее спасло предупреждение моего вероломного любовника.

Не знал, на кого больше злился в этот момент – на Гриффа или на себя.

Я слышал, а может, только представлял его вопль боли.

Мы поднимались все выше.

И я окинул взглядом горизонт. Деревни, усеивавшие склон холма. Берег, спускавшийся к морю. Карстовые колонны, ближайшие пролива Моряка. Жизнь Гриффа была сейчас в когтях Джеп, я чувствовал страстное, прорывавшееся сквозь ярость так же отчетливо, как видел свет, пронзающий покрывало северных облаков. *Я не могу спасти тебя. Но, возможно, кто-то другой сможет.*

И конечно, я хотел этого.

Мы поднимались все выше. Оглядывались по сторонам, ждали.

Ну же.

Мы прошли точку безопасного падения. Еще выше. Курган Завоевателя становился все меньше. Ветер усилился. Джепайра кружила в восходящем потоке воздуха, пытаясь удержать позицию. Если мы станем дрейфовать, место падения изменится.

Капля приземлится не в том месте. Шоу будет не столь удачным.

Но у меня будет другое шоу.

Ну же. Давай уже.

Приходи, пока это слабое сердце еще не набралось храбрости.

Грифф кричит снизу:

– Я думаю, мы уже достаточно высоко!

Ветер обдувает нас обоих.

– Не совсем.

– Дело, заканчивай с этим!

Его голос сорвался.

Наконец-то я увидел ее, эту янтарную вспышку, и уперся пятками в бока Джепайры под ее крыльями.

Сейчас.

Грифф упал вниз.

Антигона сюр Аэла прорывается сквозь облачный покров и ныряет следом.

ГРИФФ

Это безумие, что все так закончилось, в воздухе, ведь воздух всегда был моим спасением. Как по-разному чувствуешь себя в полете, когда между тобой и землей нет ничего, кроме твоих собственных болтающихся ног.

Я никогда не любил и не ненавидел Дело с Джепайрой так сильно, как в эти томительные мгновения.

И тут я ощутил, как Дело ударил ее в бок каблуками и все ее тело вздрогнуло.

Когти Джеф отпустили мои плечи.

Ветер вырвал крик из моих легких. Мои внутренности сделали кувырок. Земля взлетела вверх...

Смерть мчалась мне навстречу, твердая, как камень, и такая же беспощадная...

И тут меня отбросило в сторону. Другая пара когтей уцепилась за мою тунуку и пояс на моей талии. Я уставился на янтарную перепонку крыла дракона-аврелианца.

– Держись! – крикнула Антигона.

Мои легкие были полны ветра, а я заливался, потрясенный, смехом. Мы нырнули вниз. Антигона напрягла голос, пытаясь перекричать свистящий ветер:

– Агга и малыши в безопасности. Прячутся на карстовой колонне клана Торнроуз. Твой дед приготовил оружие в деревнях. Мы сделали остальное.

Она имела в виду драхтаназию и намордники. Сквозь дымку облегчения я ухватился за единственное, что сейчас имеет значение:

– Отнеси меня к Спаркеру.

– Мы летим туда.

Курган Завоевателя устремился нам навстречу. Норчианцы и драконорожденные разбежались враспынную, а высокородные наездники пытались, но безуспешно, поднять в воздух своих осоловевших, отравленных драконов. Антигона нацелилась на черную громадину, скованную цепями, которой был мой прекрасный Спаркер, гордость нашего флота. Я чувствовал, как он бьется в своих цепях, и подтолкнул его вперед, передав ему любовь, которая цвела в моем сердце.

Борись с ними. Сломай их. Иди ко мне.

Железные болты сорвались с его оков. Послышался скрежет металла. Спаркер встал на дыбы, сломанные цепи его ошейника раскачивались в разные стороны. Воспользовавшись ситуацией, он изо всех сил ударил намордником о деревянные заграждения телеги.

Намордник развалился. А я ощутил облегчение от нашей свободы и смог разжать стиснутые челюсти.

И тут я вспомнил, что должен сказать Антигоне. Это и хорошие, и плохие новости, но у меня было всего около двух секунд, поэтому я выбрал хорошую новость.

Потому что сейчас я чувствовал очень хорошо.

– Антигона, твой друг жив!

– Что?

– Дак жив. – Спаркер прямо под нами, и я прокричал последние слова: – Он в Подземелье Крепости! ТЕПЕРЬ бросай!

Аэла отпустила меня. Я пролетел последние десять футов и упал на спину Спаркера.

На мгновение я застыл, лежа плашмя без сил. Затем радость от нашего воссоединения дала Спаркеру новый прилив сил. Он рванулся, цепи лопнули, и я прильнул к его голой спине, обхватив коленями суставы крыльев. Ветер снова ворвался в мои легкие.

Это все, что мне нужно.

Спаркер выгнул спину и изрыгнул мощное пламя грозовика в небо. Мне вдруг показалось, что я тоже способен изрыгать пламя. Нас окружили изумленные зрители, которые пришли посмотреть на наше падение. Норчианцы переминались с ноги на ногу. Драконорожденные смотрели во все глаза. Все разговоры тут же стихли.

– Что это будет, Норчия? – ору я.

Леари Торнроуз, марионеточный король норчианцев, вышел вперед, на его лице застыла притворная усмешка. Рядом с ним Роуд и его покрытый слизью аврелианец раскачивались, словно корабль на волнах, и дракон зарычал на меня. *Тебе понадобится удача, чтобы поднять его в воздух*, подумал я, но этой самке дракона совсем не обязательно подниматься в воздух, чтобы сунуть свою пасть Брану в лицо и опалить огнем. Они согнали норчианских оруженосцев, без драконов, в центр кургана, и их безоружные руки подняты вверх. Но глаза оруженосцев были устремлены к горизонту. И я знал, чего они ждали.

– Мы не станем участвовать в этом предательстве, – выплюнул король-марионетка Леари. Кто-то с криками показывал на небо.

К нам приближались драконы.

Обернувшись, я увидел самое прекрасное зрелище в своей жизни.

Норчианские драконы вылетали из логовищ крепости. Под их крыльями – я слышу, как я смеюсь вслух, – красуются звезды норчианских кланов. Оруженосцы нарисовали их вайдой, синей боевой краской норчианцев, которой пользовались раньше, еще до завоевания Норчии. Сегодня вайда поизносилась, но в ином смысле.

На наших драконах.

Крики страха норчианцев сменило узнавание. *Вайда*, крикнул кто-то. *Они выкрашены ватой. Они наши.*

И они были без намордников и ревели огнем.

Норчианские наездники использовали отвлекающий маневр, чтобы наброситься на драконорожденных, стоявших поблизости. Бран бросился на Роуда, вырвал его из седла скулящего аврелианца, и сначала мне показалось, что он его душит, пока он не сорвал цепь с шеи Роуда. Его свисток, призывающий дракона, был у Роуда, повелителя, которому служил Брэн.

До этого момента. Брэн поднес свисток к губам и подул в него, словно выдохнул сдерживаемое всю жизнь дыхание. Он не единственный. Фионна борется с Роксаной; Мойра вцепилась когтями в цепь со свистком, все еще болтающуюся на шее Феми...

И наши призванные драконы падали с неба, как градины. Норчианцы и драконорожденные вопили, трясясь от ужаса при виде их яростного возвышения...

– Взять его! – вопил Роуд, но даже когда его дракон устремил на Брэна замутненные слизью глаза и двинулся к нему с оскаленными клыками, между ними приземлилась аврелианка Брэна, Берия. Она впиалась в горло другого дракона, стиснув клыками мягкую чешую, и с хрустом стиснула челюсти.

Роуд перевернулся на спину и закричал.

При звуке крика осознание распространилось дальше.

Роуд, первенец Великого Повелителя и наследник Нового Питоса, осиротел.

Один убит, остальной флот последует за ним.

Роуд пополз прочь на четвереньках. Великий Повелитель Радамант, стоявший с женой и младшим сыном, выглядел так, будто слова застряли у него в горле. Края его черных глаз побелели. Роксана, увидев, что произошло, начала вопить, как и ее брат. Ее свисток схватила Фионна; ее дракон метался, не в силах подняться в воздух, а норчианцы смыкали ряды.

Наш король-марионетка отступил, словно желая незаметно раствориться в хаосе, но ему не хватило проворства. Спаркер набросился на него. Его челюсти сомкнулись над головой Леари.

И вот уже все кончено и у норчианцев больше не будет марионеточного короля.

Брэн прыгает на голую спину своего аврелианца и вскидывает кулак. У ног дракона лежал мертвый дракон повелителя, которому он когда-то служил.

Норчия! – кричал Брэн сюр Берия. – *Норчия!*

Вокруг зазвучали песнопения, которые подхватил его клан, Туррет; затем мой, Наг, распространяясь дальше, Фионна передала его клану Нолл, а к ней присоединился Коллин из Кракена. Окружавшие меня норчианцы вытащили из туник ножи и тесаки, которые сегодня им не понадобятся на кухне.

От рева норчианских драконов дрожала земля.

И драконорожденные бежали прочь.

3

Пропавшие

ЛИ

КАЛЛИПОЛИС

Когда они повели меня во внутренний двор Обители, дворцовой резиденции Стражников, мы обнаружили, что входы охраняют питианские наездники драконов. Наездник, на вид лет двадцати, поприветствовал нас в главном дворе. У него были светлые, как лен, волосы и телосложение как у крестьянина, но его серебряные глаза показались мне странно знакомыми. Герб Грозовых Бичей на его доспехах был выполнен в сером цвете.

– Это он?

– Лео, познакомься с Эдмундом Грэйхизером, – сказал Иксион скучающим тоном. – Капитан наездников-полукровок Серого Вереска и твой сводный брат.

Из всех событий, произошедших до сих пор, это было первым, что ошеломило меня.

– У моего отца не было...

Эдмунд разразился громким хохотом:

– Такие вещи всегда шокируют. У нас еще будет время, чтобы поделиться семейной историей.

– Эдмунду обещали Фархолл и его земли после восстановления прав, – сообщил Иксион с таким видом, словно собирался нанести мне смертельный удар. – Надеюсь, ты не в обиде. Раз уж ты, похоже, так стремишься отказаться от своего наследства. И убить мою сестру. – Он ласково мне улыбнулся.

– Мне забрать браслеты, мой господин? – спросил Эдмунд.

Для Стражников браслеты одновременно обозначали их элитный статус – сочетание Золотого и Серебряного сословия – и служили средством для вызова драконов. Свисток, настроенный на частоту, воспринимаемую слухом дракона, был встроены в браслет.

Забирая их, они отрезали нас от наших драконов.

Иксион ткнул в меня большим пальцем:

– Пусть это сделает он.

Мне в руку впихнули сумку.

– Иди, – сказал Эдмунд, указывая на вход на застекленную террасу. Я увидел Стражников, ожидающих внутри, они казались размытыми пятнами розового и коричневого через стекло, когда смотрели во внутренний двор.

Я сунул ему сумку:

– Я не возьму их браслеты.

Иксион, уходящий со двора, держась за собственный свисток для вызова Нитера, обернулся:

– Лео, нам нужно разобраться с двумя дюжинами Стражников плюс их драконы. Нам не нужно сохранять жизнь всем им. Так что сделай свой выбор, ладно?

Сумка остается в моей руке, которая предательски задрожала. Я потянулся за своим браслетом, чтобы сначала расстегнуть его, но Эдмунд заметил:

– Не снимай свой.

Он с ухмылкой подтолкнул меня к двери.

ЭНИИ

НОВЫЙ ПИТОС

– Твой друг, – сказал мне Грифф, когда остров взорвался вокруг нас. – Он жив! Он в подземелье крепости...

Аэла разжала когти, роняя его на спину Спаркера, и на мгновение все, что мы можем делать, – это плыть по ветру.

Когда Дак упал во время воздушной атаки, мы были так высоко над землей, что я не услышал ни звука при падении. Он исчез в горящем здании. Все, что я когда-либо видела из его останков, – это часть его кирасы, которую Грифф потом достал из-под обломков.

Поэтому, когда Грифф сказал мне, что Дак жив, я не поверила.

Не верила, пока мы мчались к крепости, оставляя позади разгорающуюся битву.

Не верила, когда Аэла пробиралась по крепостным стенам, ища самые низкие окна, те, что с решетками, выдававшими подземелье.

Мы отыскивали решетки, целый ряд окон с железными прутьями. Мы звали Дака через них. Ответа не было.

Это неправда, это неправда, этого не может быть...

В конце ряда зарешеченных окон виднелась единственная дверь, которая открывалась как шлюзовые ворота. Стена утеса была испещрена следами мусорных отходов под ней. Снаружи у двери нет ручки, поэтому Аэла вонзила когти в старое дерево и дернула. Дверь с тихим хрустом отвалилась от стены. Мы заглянули в темный коридор, где пахло плесенью и человеческими отходами.

Это неправда, это неправда, это не может быть правдой...

Я буду повторять эту мантру, чтобы оградить себя, защитить себя от разочарования, которое ждет в конце этого коридора, когда я узнаю, что Грифф, вероятно, ошибся.

Я соскользнула со спины Аэлы и зашла в вонючий коридор, не веря.

Не веря, пока двигалась вперед, зовя Дака. Жизнь научила меня, что называть имена мертвых, пробуждаться от снов, в которых они были живы, и по-прежнему надеяться приводит только к еще большей боли в сердце.

Я не верила, пока не услышала в ответ дрожащий голос Дака.

ЛИ

Я вошел на застекленную террасу Обитатели с сумкой для сбора браслетов и обнаружил испуганные лица, обращенные ко мне из каждого угла комнаты.

Стражники все еще в торжественных доспехах, в которых они собирались присутствовать на Народном собрании сегодня утром; питианцы схватили, судя по всему, и согнали их сюда прямо перед началом собрания. Кроме горстки наездников, восстанавливающихся после последнего воздушного боя в лазарете, и тех немногих, у кого были важные задания, которые освободили их от сегодняшних обязанностей, большинство корпуса находилось в этой комнате. Рок потел в углу рядом с Лотусом. Кор стоял, стиснув кулаки.

Один только Пауэр вел себя непринужденно: скрестив ноги, он сидит рядом с Дарием и несколькими другими патрицианскими всадниками. Его волнение выдавали лишь пальцы, которыми он барабанил по рукаву мундира.

Дверь за мной не захлопнулась: Эдмунд Грейхизер стоял на пороге и наблюдал за происходящим.

Я чувствовал, как потеют мои пальцы на сумке.

– Я собираю браслеты.

Я заметил, как выражение их лиц сменилось от облегчения при виде меня к чему-то другому. Взгляды стали колючими. Лица омрачила тень сомнения. Я почувствовал, как мой собственный серебряно-золотой браслет, все еще сжимавший запястье, притягивает их взгляды.

– Это шутка? – поинтересовался Кор.

На секунду мне показалось, что у меня пересохло во рту.

– Дак в плену на Новом Питосе.

Так сказал мне Иксион, когда приземлился в Орлином гнезде и удивил людей хлебом.

– Никаких разговоров! – рявкнул Эдмунд.

Но этого оказалось достаточно. Глаза Кора расширились. Он перевел взгляд с Грэйхизера, ожидающего позади нас, на меня и сумку и снял браслет.

– Верно, – сказал он, его губы сжались в линию, и он опустил свой браслет в сумку.

Кажется, проходит бесконечно много времени, пока все они передают свои браслеты, и после этого мне трудно вспомнить, какие у них были выражения лиц. Я не мог вспомнить, было ли это потому, что я избегал их взгляда или они избегали моего. Когда все было готово, я передал сумку Эдмунду Грэйхизеру.

– Спасибо, полубрат, – весело произнес он.

Драконий язык многим Стражникам давался с трудом, но слово *полубрат* достаточно просто образуется. Я заметил, как Рок озадаченно нахмурился, услышав это.

Эдмунд остался стоять в дверях, предотвращая дальнейший разговор.

В следующее мгновение раздался тяжелый удар, от которого зазвенели стекла, и мы все задрали головы. Сквозь покрытое рябью стекло мы смогли различить очертания второго грозовика, приземлившегося во внутреннем дворе. Эдмунд вышел наружу, закрыв за собой дверь, чтобы посоветоваться с новоприбывшим. А я тут же оборачиваюсь к корпусу.

– Антигона, Крисса и все остальные, отсутствующие в этой комнате, патрулируют город.

Дейдре выглядела озадаченной:

– Но мне казалось, что Крисса...

На задании в Деймосе, соседнем демократическом государстве. Брайс пихнул ее локтем, и глаза Дейдре расширились.

– О! – воскликнула она.

Что касается того, что на самом деле задумала Энни, кроме меня знает лишь Пауэр. Но когда я попытался прочесть по его лицу, как он распорядится этой информацией, его темные глаза показались совершенно непроницаемыми.

Дверь распахнулась. На пороге застыли Иксион и Эдмунд.

Иксион громко обращается к нам:

– Доброе утро, Стражники. Я Иксион сюр Нитер, ваш восстановленный повелитель, и я вовсе не так безжалостен, как кто-то может подумать. Не все из вас будут казнены. Вы даже не все осиротеете. Но! Я требую преданности. Для этого я буду проводить индивидуальные собеседования. Приступайте, Эдмунд.

Эдмунд, с веселой улыбкой на лице, держал в одной руке свиток, а в другой – пустой мешок из-под зерна.

– Дарий сюр Майра? – произнес он, как медсестра в приемном покое больницы.

Кажется, что комната затаила дыхание. Дарий не сводил глаз со своих рук. А рядом с ним Пауэр вообще ни на что не смотрел. Они – друзья детства.

– Напомню вам, что все выходы заблокированы драконами, – заявил Иксион. – Поэтому мы легко можем вас выкурить.

Пауэр поерзал в своем кресле. Дарий поднялся на ноги, его руки дрожали. Его лицо казалось особенно бледным под шапкой золотистых волос, его обычно гордая осанка исчезла, он слегка сжался, направляясь через террасу к Эдмунду и Иксиону.

– Благодарю за сотрудничество, – сказал Иксион.

Эдмунд натянул мешок на голову Дария.

Тот издал сдавленный возглас удивления. Дейдре вскочила. Эдмунд перетащил Дария через порог и захлопнул дверь.

Резкий звук эхом разнесся в мертвой тишине комнаты.

Эдмунд вернулся через четверть часа и назвал другое имя. Достал еще один мешок. После этого разговоров больше не было. Те, кого забирали, не возвращались. Брайса, аврелианского наездника Тридцать второго ордена, рвало в камин. Дейдре зарылась лицом в колени.

В комнате постепенно становилось все меньше людей. Пока не остались лишь члены Восьмого ордена – Рок, Кор, Пауэр и я – и одно лишь исключение – Лотус, который был рангом пониже.

– Где Крисса Уард? – спросил Эдмунд.

– В патруле.

Мы почти все произнесли это одновременно. Эдмунд вскинул бровь, и его губы скривились, когда он снова принялся просматривать свой список.

– Я так понимаю, Антигона тоже в патруле?

На этот раз группа молчала, лишь вяло кивая в ответ.

– Что ж, в подземелье у нас будет достаточно времени, чтобы прояснить эти вопросы, – произнес Эдмунд, закатывая глаза. – Кор Саттер?

Кор поднялся.

– Я хочу увидеть своего брата.

Эдмунд усмехнулся:

– Это будет зависеть от тебя.

Он протянул Кору мешок. Кор взглянул на него, и его лицо исказилось. Затем он сам надел мешок на голову и позволил вывести себя из комнаты.

Пауэр, уткнувшись подбородком в ладонь, тихонько фыркнул. Лотус вцепился в свои кудри, застыв рядом с Роком, который от ужаса был мертвенно бледен под россыпью веснушек. Я стоял, скрестив руки на груди, чувствуя, как отчаянно колотится сердце.

Дверь распахнулась, и Эдмунд снова сверился со списком.

– Персиваль Грэйлили?

В корпусе не было никого с таким именем, тем более в этой комнате. Фамилия Грэйлили – это приставка, использовавшаяся для полукровок из дома Небесных Рыб. Рок, нахмурившись, поднял голову. Лотус оставил в покое свои волосы и уставился на свои ладони. А затем обернулся к Пауэру.

Пауэр сидел не шелохнувшись.

– Персиваль, – повторил Эдмунд. – Персиваль Грэйлили, внебрачный сын триарха Кита Небесной Рыбы, воспитанник семьи Гесперидис. Летает на... здесь написано, на грозовике? – От удивления Эдмунд повысил голос.

Пауэр поморщился, закатывая глаза к потолку с видом великого недовольства, и наконец встал:

– Меня все зовут Пауэр.

Рок пристально смотрел на него:

– Ты полукровка?

– Думаю, мы все это знали, – с кривой ухмылкой откликнулся Пауэр. Он обратился к Эдмунду на драконьем языке: – Полагаю, можно обойтись и без мешка?

– Это зависит от того, сможешь ли ты помочь нам отыскать эту простолюдинку, Первую Наездницу.

Пауэр одарил его самой злобной ухмылкой:

– Эту сучку? Могу попытаться.

Никакого мешка на голову Пауэру не надели. Он последовал за Эдмундом из комнаты.

Рок бормотал ругательства себе под нос. Лотус закрыл глаза.

– Ты выглядишь не слишком удивленным, – заметил я.

– Ты тоже, – ответил Лотус.

Нет. Теперь, когда я думаю об этом, понимаю, что это первое из всего, что я знаю о Пауэре, что действительно имеет значение. Я видел, как он свысока смотрел на людей низкого происхождения, таких как Энни и Рок, видел его ненависть, когда он узнал, что я драконо-рожденный. Но здесь скрывалось нечто большее. Пауэр был сыном домработницы с Яникула,

которую отец ее ребенка бросил умирать в богадельне. Теперь я знал, что его отец был из рода Небесных Рыб. Неудивительно, что он затаил неприязнь к таким, как я.

Хотя и не настолько, чтобы помешать ему выровнять свое положение сейчас.

– В школе, – пробормотал Лотус, – его знали под именем *Пэрри*.

Рок уставился на меня, белки его глаз налились кровью:

– Ли, у этого Грозового Бича Иксиона отца зовут Кретон, не так ли?

Я кивнул:

– Триарх Запада, повелитель Неархолла.

Пальцы Рока сжались:

– Это значит, что он... я...

– Я знаю.

Как Энни помнила моего отца, Рок помнил Кретона. Мой отец был известен своей строгостью, Кретон же славился небывалой жестокостью. Деревня Рока находилась в Ближнем нагорье, в его владениях. Все указывало на то, что Иксион унаследовал жестокие наклонности своего отца, и если Грифф мог служить хоть малейшим доказательством происходящего, Иксиону, как и его отцу, претила мысль, что крепостной его семьи мог летать на грозовике.

– Рок, – произнес Лотус, накрыв широкую ручищу Рока своей ладонью. – Все будет хорошо. Я клянусь...

Дверь в очередной раз распахнулась. На этот раз рядом с Эдмундом стоял Иксион. В его игривом тоне слышался триумф:

– Ричард Неархаллраб, крепостной.

Рока передернуло.

Это феодальное обращение, которое я слышал еще до Революции. Я встал между Роком и Иксионом. Но прежде чем я успел заговорить, Лотус вскочил и выпалил:

– Его зовут Ричард сюр Баст!

При звуке драконима взгляд Иксиона метнулся с Рока на Лотуса:

– Ты сын Тейрана?

Лотус кивнул. Он закатил рукав, чтобы показать запонку в форме клевера.

Орден Черного Клевера. Контрреволюционная группа, которая передавала информацию на Новый Питос с помощью информаторов внутри нашего министерства, и, похоже, они были даже в корпусе Стражников.

Все моментально становится на свои места. Ричард Тиндейл, профессор поэзии, который хотел, чтобы я присоединился к своей семье прошлым летом. Ло Тейран, известный лауреат поэтических премий и друг Тиндейла, пытавшийся справиться с запонкой в форме клевера перед зеркалом в туалете, прося меня помочь с поэмой в честь погибших драконорожденных. А теперь сын Тейрана, обращавшийся к Иксиону так, словно они были знакомы.

– Мы заключили сделку, – сказал Лотус. – Ричард не должен пострадать.

Иксион улыбнулся.

– Он и не пострадает, – согласился он, – если будет слушаться своего господина.

– Это было не...

– Чертов драконий огонь! – прорычал Рок, надвигаясь на Лотуса, его голос подобен раскатам грома. – Сделка? Это была *сделка*?

Лотус вскинул руки:

– Рок, я могу все объяснить...

– Я дам вам двоим минуту, – сказал Иксион. – Выходите, когда вы будете готовы.

Он захлопнул дверь.

Но двое других едва заметили это, крича друг на друга срывающимися голосами.

Лотус говорил о своем отце, о декане Ортосе и Лицее, о литературной цензуре и разрушающихся ценностях при Атрее, а Рок кричал ему: «*Как ты мог?*», и слезы текли по его лицу.

– Это был ты, – догадался я в тот момент, когда Рок замолчал, чтобы перевести дыхание.
– Оставил информацию для питианцев на Острове Мертвых.

Лотос кивнул:

– Как долго ты на них работаешь?

Ответ Лотуса прозвучал уклончиво:

– Недолго. Только когда это стало неизбежным. Я знал, что должен защитить тех, кого люблю. – Он посмотрел на Рока, который уставился в потолок. – Патриции устали от Атрея. Они хотят вернуть свои библиотеки.

Литературная цензура и чистки революционного режима стали неприятным сюрпризом для элиты, которая его поддерживала, источником недовольства на долгие годы. Но все же...

Рок ударил кулаком по столу:

– Моя свобода за библиотеку?

У меня мелькнула та же мысль.

Лотус отмахнулся:

– О, не надо так драматизировать...

В этот момент крыша над нами заскрипела. Тень накрыла глянцевое стекло, прижимаясь к стеклянным панелям. И вот они со звоном разлетелись вдребезги, рассыпаясь словно сахар, и мы увидели морду дракона, возникшую на месте разбитого окна, словно любопытный пес, пролезавший в собачью дверку.

Голиафан Фрейды приземлился на крышу Обители.

Лотус, Рок и я попятились от назойливого рыла. Осколки стекла, все еще цепляющиеся за раму, скручивались в завитки от горячей чешуи дракона, как отслаивающаяся бумага. Дым вырывался из ноздрей размером с дупло дерева, заполняя Обитель.

– Некоторые из них все еще там, – раздался снаружи голос Иксиона.

Во внутреннем дворе к голосу Иксиона присоединился женский голос:

– Возможно, их нужно немного приободрить?

ЭННИ

Должно быть, мне почудился голос Дака. Я помчалась по длинному тюремному коридору, ведущему в караульное помещение. Вонь от человеческих отходов, гнили и плесени не дает дышать. Мой голос звучал хрипло и напряженно:

– Дак?

– Энни?

Неужели мне это почудилось? Я завернула за угол и резко остановилась. Меня окутывала крошечная темнота, и лишь едва заметный свет пробивался из отверстия мусоропровода, дверцу которого оторвала Аэла. Пустоты камер, зиявшие во мраке, были зарешечены, все, кроме одной, чья решетка раскачивалась на петлях, как будто только что распахнулась.

А передо мной, посреди коридора, освещенный тусклым светом из открытого желоба мусоропровода, стоял Дак.

Роуд Полуаврелианец держал его сзади, прижав кинжал к его горлу, и не отрываясь смотрел на меня. Его лицо блестело от пота.

Если я на мгновение усомнилась, что это действительно *он*, мой Дак, мой чудом спасшийся друг, его попытка заверить меня в этом не оставила у меня ни тени сомнений. Потая, дрожа, он с трудом выдохнул:

– Энни, все в порядке...

Мой милый Дак был жив.

И его собираются убить.

– Заткнись! – Роуд грубо встряхнул его. Он выглядит обезумевшим. От него слегка разило вонью. Он тяжело дышал, как будто мчался сюда сломя голову.

Он, как я догадалась, недавно осиротел.

– Я знал, что ты придешь его спасти, – сказал он. Кажется, каждое слово давалось ему с трудом. – Это справедливо, не так ли? Огонь за огонь. Ты берешь у меня, я беру у тебя. Иксион в любом случае планировал заставить тебя смотреть на это.

Я почувствовала, как волосы становятся дыбом на затылке. Вторая мысль словно тьма заполонила мое сознание: «Где Иксион?»

Почему я вообще не видел его сегодня?

Не говоря уже о голиафане, принадлежавшем принцессе, внимания которой он якобы добивался...

Оруженосцы заверили меня, что он и Фрейда вернутся к казни, но их нигде не было видно...

– Мы решили, что сбросим его еще раз, *как* следует, ради твоего удовольствия. Но и этого хватит.

Я увидела кровь на горле Дака в том месте, где кинжал уперся в его кожу.

Не могло так произойти, что, найдя его, я *снова* его потеряю...

Видя мою панику, Дак снова начал меня утешать:

– Энни, все хорошо, все хорошо...

А потом захрипел.

В моих ушах раздались крики – мои собственные...

Роуд повалился назад, когда третья фигура напрыгнула на него, вонзив кинжал в его тело. Этот человек тоже кричал.

Дак высвободился из его хватки, потирая горло, и медленно обернулся.

Молодая женщина, ростом почти с Дака и гораздо меньше Роуда, сидела верхом на повелителе драконов, в ее руке был зажат нож, который она раз за разом, рыдая, вонзала в его грудь. Ее руки покраснели от крови, кровь хлестала изо рта Роуда. У женщины длинные, спутанные волосы, ее руки и ноги казались странно искривленными.

Я с трудом разбираю слова на норише, которые она, задыхаясь, произносит сквозь зубы:

– За моих братьев. За моих сестер. За маму. За отца. – А потом, задыхаясь: – За меня.

Дак опустился рядом с ней на колени, чтобы оттащить ее от Роуда.

– Все кончено, – произнес он на норише, которого раньше не знал, – Все кончено, Лена.

А потом взглянул на меня, обнимая ее. Его забрызганное кровью лицо сильно исхудало, незнакомые мне шрамы от ожогов испещряли его шею, теряясь под отросшими волосами. Но те добрые глаза, которые я помнила, остались прежними.

И от его неуверенной улыбки меня охватывает облегчение.

Он со знакомой мне нежностью, которой одаривал тех, кто нуждался в поддержке, наклонился и приподнял подбородок женщины, чтобы она взглянула на него. Его губы коснулись ее щеки.

– Эй, – с улыбкой сказал он. – Есть кое-кто, с кем я хотел бы тебя познакомиться.

Они поднялись, и тут я заметила, что Дак тоже двигался неловко и медленно, они оба согнулись, как люди, чьи кости были поломаны и неправильно срослись. Дак, не переставая обнимать девушку, представил мне Мабалену, которую когда-то сбросил с дракона повелитель.

Ее лицо озарял свет, когда она смотрела на него.

– Мы знали, что ты придешь, – сказала она мне.

ЛИ

Дым просачивался на застекленную террасу Обителю, вырываясь из ноздрей Великого Дракона, вокруг пахло серой. Хвост размером со слоновий хобот скусающе колотит в стекло. Каждый раз, когда голиафан двигается над нами, крыша трещит.

– Они выкуривают нас, – догадался Рок, его голос звучал едва слышно. – Классическая тактика. Прямо как в феодальном справочнике драконорожденных...

Лотус дышал через рукав.

– Я пытался защитить тебя, – сказал он Року, но я слышал, что в его голосе нарастает неуверенность.

Выкуривание, вероятно, не входило в сделку, которую он заключил с Иксионом.

Дым стал слишком густым. Мы все кашляли. Рок закрыл ладонями свои слезящиеся глаза.

– Вы не понимаете. Есть только один способ, чтобы кто-то вроде Иксиона заметил кого-то вроде меня.

Он потянулся к ручке двери и выругался, почувствовав ожог.

– Рок, – позвал я, и он обернулся.

Тупой ужас сменился желанием чего-то другого.

– Я останусь здесь, с тобой. Если ты этого хочешь.

Рок испустил дрожащий вздох. Его налитые кровью глаза уперлись в меня, яркие на его красном лице, и я знал, что он понимает меня и что на мгновение он поддастся искушению.

Пусть кровь драконорожденных вскипит и иссякнет в моих жилах, в пожарище, охватившем тренировочный центр Стражников, подогреваемый нашими надеждами на благополучие нашего народа, когда все вокруг рухнет.

Позволь мне умереть вместе с тобой.

Рок покачал головой:

– Не сегодня, Ли.

Он натянул рукав формы на ладонь, чтобы повернуть дверную ручку.

Иксион и Эдмунд ждали во дворе вместе с Люцианом Ортосом, начальником штаба, и с половиной гвардии Защитника. Над ними возвышался голиафан, чье тело нависло над крышей Обители, чешуя блестела, как черепица. Один-единственный глаз без века следил за нами, как фонарь. Бассилеанская принцесса стояла на карнизе крыши рядом с драконом, бронзовый шлем все еще скрывал ее лицо, а длинная мантия, ниспадавшая до пят, сияя, струилась с одного плеча. Стоя на нашей крыше, неподвижно глядя на нас сверху вниз, она могла бы быть статуей давно почившей богини, королевой из Золотого века.

Рок, который первым выскочил из Обители, обернулся, чтобы посмотреть на дракона, накрывавшего нас своей тенью, прежде чем взглянуть на Иксиона.

– Ричард Неархоллраб, крепостной? – снова спросил Иксион.

Рок поморщился.

– Мой господин, – ответил он.

– Так-то лучше, – с улыбкой сказал Иксион.

4

Надеяться на риск

ДЕЛО НОВЫЙ ПИТОС

Как только я увидел драконов, чьи крылья были разукрашены вайдой, то сразу понял, что, помогая Гриффу, я помог завершить период правления драконорожденных на Новом Питосе. На мгновение высоко над головой, наравне с клочьями рассеивающегося тумана, мы с Джепайрой наблюдали, как наш мир рушился: Антигона и Аэла сбросили Гриффа на спину Спаркера, драконы в боевой раскраске роились над Курганом, наши люди в панике спасались бегством, когда на них обрушился драконий огонь. Но внезапно мы резко вернулись к реальности.

Феми. Этело. Отец.

И мы резко нырнули вниз, мчась им на помощь.

На земле царила такая бешеная суматоха, что мы не сразу смогли отыскать Феми или ее небесную рыбу в этом хаосе. Они застыли под аврелианцем Мойры.

Мойра. Оруженосец Феми, о чьей малозаметной и скромной персоне я до сегодняшнего дня и не задумывался...

Пламя Джепайры отбрасывает Мойру и ее аврелианца от сестры.

– Отстань от нее!

Мойра захохотала в ответ, когда ее дракон освободился и взлетел вверх. Феми поднялась с земли, по ее виску струилась кровь, но в остальном она выглядела вполне невредимой.

– Где отец и Этело?

Этело, близнец Феми, – отверженец, тот, кого не выбрали драконы, так никогда и не ставший одним из нас. Он должен был пойти пешком с отцом. Феми вскарабкалась на спину своей небесной рыбы и уперлась пятками в ее бока.

– Они движутся к победе. Вперед...

Ее небесная рыба, Геката, скулила и колотила ногами по земле, которая словно притягивала ее. При виде кружащего над ней сородича, она с трудом вспорхнула вверх, ее крылья дрожали. Она присоединилась к нам на высоте пятнадцати футов, где мы заметили еще одного драконорожденного – это Роксана Полуаврелианка.

– Что, черт возьми, на них нашло? Рора как будто пьяна.

– И Геки тоже, – сказала Феми, прикладывая ладонь к изящной шее своей небесной рыбы, которую била дрожь.

Однако у них дела обстоят лучше, чем у остальных. Толпы вспарывали внутренности мертвому дракону Роуда; у нас на глазах дракон-грозовик в норчианской боевой раскраске, словно горный кот, ринулся на спасавшегося бегством нашего дядю Полуаврелианца. Когда дракон развернулся, я разглядел наездника. Лицо Гриффа было измазано кровью, его ухмылка сияла белоснежной полосой.

Сегодня Грифф свершит возмездие, которого так долго ждал. Они будут слагать о нем гимны, как о короле-воине из древних времен. А я останусь лишь сноской, палачом-неудачником, подготовившим почву для его триумфа.

Но даже помня о своем позоре, глядя, как Грифф наслаждался своей кровной мстостью, я думал лишь о том, что он был рожден для этого момента и как же он прекрасен.

Я отвел взгляд:

– Их отравили. Это драхтаназия.

– У нас нет драхтаназии, – возразила Феми.

– Вероятно, они получили ее от Первой Наездницы Каллиполиса. Сегодня утром мне показалось, что я заметил блеск янтарной чешуи на карстовой колонне Торнроуз. Думаю, она пряталась там какое-то время.

Феми смерила меня ледяным взглядом, и я ясно прочитал в нем вопрос, который она не задала мне: *Почему ты ничего не сказал?* Но у меня не было на это времени.

– Мы должны попасть на Инвиктуруию.

Строка из *Аврелианского Цикла* громко звучала в моих ушах. *Наша последняя надежда на безопасность – это надежда на отсутствие безопасности.* На крайний случай у полуаврелианцев был запасной план, когда они могли быстро отплыть с острова на клипере, который стоял наготове в тайной бухте крепости.

И именно туда сейчас устремились наши семьи.

– Правда? – Голос Роксаны тоже кажется пьяным. – Я думала дать им отпор.

Я уже собирался сказать, что это ужасная идея, но Феми опередила меня:

– Мы в меньшинстве. Три к одному. В конце концов им надоест веселиться там, внизу. – Она жестом указала на кровавую бойню внизу. Поникнув от воздействия драхтаназии, она по-прежнему сохранила свой ясный ум. – Мы должны выбраться, пока это возможно. Материк всегда был нашей целью.

И наше счастье, что Иксион уже там, ждал нас.

Роксана покачала головой. Ее слезящиеся глаза уставились на раскинувшуюся под нами Норчию.

– Для тебя, может быть, – ответила она. – Моя семья правила этим островом на протяжении многих поколений.

Феми уперлась в нее остекленевшим взглядом.

– Огненный порошок? – спросила она, и ее голос был холоднее, чем я когда-либо слышал. – Почему бы и нет.

Роксана стиснула зубы и обернулась ко мне:

– Ты сказал, на карстовой колонне Торнроуз?

Я понятия не имел, о чем они.

– Я... что?

Но Роксана и ее аурелианец уже начали отставать от нас.

Небесная рыба Феми, хрипло кашляя, начала терять высоту. Я не знал, как долго они еще продержатся в воздухе.

– Дело, – сказала Феми, и я услышал страх в ее голосе.

– Она справится. Летим.

Теперь Феми сюр Геката могли лететь очень медленно, поэтому мы начали медленно дрейфовать в сторону крепости и тайной гавани, скрытой за ее стенами за ближайшей возвышающейся впереди карстовой колонной Торнроуз, клану, к которому мы всегда благоволили и чьих представителей набирали к себе в услужение. Та самая колонна, на которой я заметил блеск янтарной драконьей чешуи. Почему, снова задал я себе вопрос, Роксана спрашивала об этой колонне?

Снизу до нас доносились крики спасавшихся бегством драконорожденных, которых разгромил Грифф с остальными норчианцами, и у меня затеплилась слабая надежда, что когда мы очистим стены крепости, то положим конец этой бойне.

Но вместо этого мы обнаружили, что тайная гавань объята пламенем. *Инвиктуруия* скрылась за завесой дыма.

Норчианцы отрезали нам путь к отступлению.

При виде этого зрелища последние силы покинули Феми сюр Геката.

Дрейфуя, они спотыкаются в воздухе. Им необходимо убежище. Я повел их на валы внешней крепостной стены, безлюдной после боя.

Феми соскользнула со спины своего дракона, и я спрыгнул с Джеб, чтобы удержать ее. Отсюда была видна горящая гавань, норчианцы, с победным видом тащившие драконорожденных высокопоставленных особ, не давая им спастись. Этело и отец то и дело спотыкались, когда их уводили прочь, пятна смуглых лиц четко выделялись на фоне моря оливковых лиц норчианцев. Но среди них я не увидел ни Великого Повелителя Радаманта, ни леди Ксанты.

Когда ее дракон испустил последний вздох, Феми уткнулась лицом в бок небесной рыбы и зарыдала.

– Это ты виноват, – сказала она мне. – Ты и твой Грифф. Он сделал это. А ты позволил ему.

Я обнимал ее на крепостном валу, пока вокруг пылал наш мир, понимая, что она права.

ГРИФФ

Полуаврелианский клипер, который мы подожгли в их гавани, изящный и легкий, ничего, кроме парусов и дамианских противоздушных гарпунов, и все это вспыхнуло, как сухие листья. Расписные крылья Арона, дракона, на котором Уриэль скрылся в безопасное убежище во время первого изгнания аврелианцев, с шипением отрывались от бортов. Вдоль носа было вырезано имя, которое благодаря Антигоне я теперь мог прочесть: *Инвинктура. Те, кого не покорят.*

Но теперь оно исчезло в пламени.

Брэн и его дракон-аврелианец начали выводить драконорожденных, которые бросились с горящего корабля на причалы, где их ждали норчианцы, чтобы свершить над ними правосудие. Брат Дело, Этело, *отверженец*, который не летал на драконе, наконец появился, поддерживая под руку престарелую леди Электру. Вдова Грозового Бича злобно уставилась на меня, взгляд же Этело был просто устремлен в пустоту.

– Грифф? – произнес он. Кровь стекала по его виску.

Я небрежно отдал честь со спины Спаркера:

– Рад тебя видеть, мой господин.

А затем до меня донесся голос, говоривший на норише, и я увидел няню Астианакса, Шиа, вцепившуюся в мой рукав обожженными пальцами.

– Мальчик все еще там. Прошу тебя, Грифф.

Остальных слуг из клана Торнроуз собирают с таким же презрением, как и их господ, ради которых они предали свои кланы, но мольба Шиа тронула мое сердце. Я перевел взгляд с нее на горящий клипер и подумал о маленьком полуаврелианском господине, который так любезно решил пощадить Спаркера. Я пытался убедить себя, что наследник Полуаврелианцев должен быть уничтожен вместе со своей семьей, для пущей убедительности...

Но это было бесполезно. Святыни забрали все и в придачу мое смятенное сердце.

– Держи драконорожденных на прицеле, – сказал я Брэну, когда Спаркер прыгнул через толпу на палубу горящего клипера.

Спрыгнув с дракона, я тут же закашлялся от дыма. Тела были повсюду, некоторые еще шевелились, другие лежали неподвижно. Тела людей из клана Торнроуза, норчианцев, тела драконорожденных – жертвы кровавой бойни.

Я бросился вниз по лестнице в недра корабля, перепрыгивая через две ступеньки, и увидел, как пламя освещает окровавленную, сплюснутую голову Великого Повелителя Радаманта и запачканные кровью волосы его жены рядом с ним. Их остекленевшие глаза уставились в потолок. Каждый вдох приносил запах дыма, крови и соленой воды, я старался дышать через рот, прислушиваясь до тех пор, пока не услышал то, зачем сюда пришел.

Детский плач.

Я нашел Астианакса, прячущегося в углу в трех футах от тел его родителей.

– Грифф?

– Маленький господин, ты должен смотреть на меня, и только на меня.

Когда я поднял его на руки, он прижался ко мне.

Спотыкаясь, я поднялся по лестнице и, кашляя, бросился к Спаркеру, а потом мы взмыли в воздух и помчались назад, к норчианцам и пленным драконорожденным на причалах.

– Ты ведь это не всерьез, – заметил Брэн, увидев, кого я держал на руках.

– Он же ребенок, Брэн...

– Он их наследник, и ему лучше умереть.

Хорошо, что Астианакс не знает ни слова на норише. Вокруг нас раздались изумленные возгласы, а затем люди начали кричать. На мгновение я решил, что все никак не успокоятся из-за ребенка, но тут увидел, что они указывали в сторону карстовой колонны Торнроуз.

К ней приближалась Роксана Полуаврелианка. Мгновение я бесстрастно наблюдал, как дракон Роксаны готовился спалить клановую колонну, потому что люди из Торнроуз заслужили это, предательски поддержав режим Полуаврелианцев...

И тут я вспомнил, что сказала Антигона.

Агга с детьми спряталась на той колонне.

5

Карстовая колонна Торнроуз

ЭНИИ

Едва мы вышли из подземелья, ступив на крепостной вал и Дак впервые вдохнул полной грудью свежий воздух, как вдруг я это увидела. Одинокий дракон триархов, которого я узнала по отсутствию боевой норчианской раскраски, удалялся от крепости в сторону ближайшей карстовой колонны Безумия Моряка.

К Торнроуз.

Не раздумывая, я прыгаю на спину Аэлы, и мы взмываем в воздух.

Краем глаза я заметила, как Грифф сюр Спаркер вырвался из горящей гавани крепости на полной скорости, торопясь перехватить того же дракона.

Мы помчались в сторону Торнроуз.

Когда мы наконец догнали наездницу, я сразу узнала ее. Полоса темно-рыжих волос, заплетенных в косу, хлестала наездницу по спине. На ней не было ни доспехов, ни огнеупорного костюма; платье, которое она выбрала, чтобы присутствовать на казни Гриффа, запуталось между ее коленей. И дня не прошло, как мы боролись с ней в Бесплодных Дюнах, пока ее родственники не утащили Гриффа.

Роксана Полуаврелианка. Сейчас она летела к колонне, где пряталась семья Гриффа.

Из зарослей папоротника, которые послужили отличным укрытием, получился бы хороший костер.

Ее пламя вспыхнуло до того, как я успела добраться до колонны, огонь ползет вверх от основания карста. Бурые засохшие после зимнего холода лозы моментально вспыхнули. Пламя лизало бока выступов карстовой колонны, быстро взбегая наверх. Агга должна была прятаться с детьми на вершине, среди алтарей святилища, окруженного негустым мелкоколесьем.

Спаркер нырнул в заросли папоротника, покрывавшего корону статуи колонны, и Грифф громко выкрикнул имя своей сестры. Я ринулась за Роксаной.

Аэла впиалась клыками в хвост дракона-аврелианца и с силой *дернула* его.

Дракон Роксаны замер в воздухе.

Мы с размаху швырнули наездницу и ее дракона в горящий папоротник, гася пламя. Они изо всех сил врезались в отвесную скалу прямо под нами, и мы прижали их к камню, словно раздавленную стрекозу.

Я поймала их, и теперь задушу эту девчонку на карсте, который она подожгла вместе со своим драконом.

Однако, с трудом ловя воздух ртом, Роксана смеялась:

– Наша маленькая героиня! Ты не способна мыслить шире, простолюдинка!

Слова с хрипом вырывались из ее горла. И мне тоже захотелось расхохотаться ей в лицо. Сломленная, зажата между своим драконом и скалой, Роксана хотела обменяться оскорблениями? Даже ее последняя попытка саботажа была пресечена Гриффом, спасавшим сейчас свою семью с вершины карста.

– Твои люди повержены. Твоя семья мертва, и твой род вместе с ней. Твое правление закончилось.

Роксана продолжала смеяться между болезненными вздохами.

– Когда ты и твои друзья-простолюдины пробрались в наши логова сегодня утром, – произнесла она, – разве вы не заметили, что там не хватает драконов?

Мои пальцы стиснули поводья Аэлы. Она была напряжена, словно натянутая струна, в ожидании моего желания. Мне даже не пришлось бы произносить приказ вслух.

И все же, слова Роксаны подтвердили мои скрытые сомнения.

Некоторых драконов действительно *не* было в стойлах. И их кормушки мы тоже отравили, думая, что они вернутся для кормления перед казнью Гриффа. Но они до сих пор не появились.

Ухмыляясь, Роксана начала перечислять их имена:

– Иксион Грозовой Бич. Полукровки. И самое главное – китоподобный дракон из Бассилей. Или ты забыла о голиафане принцессы Фрейды?

Несколько мгновений я слышала лишь треск пламени, пожиравшего сухие лианы.

Сегодня я никого из них не видела. А я должна была их увидеть.

– Они летят сюда?

– Вряд ли. – Тяжело дыша, Роксана наклонилась вперед, говоря между вздохами: – Они ждут. Во дворце, который вы оставили, в залах, которые были отняты у них, на тронах, с которых они были когда-то свергнуты. И я уверена, что отсутствие Первой Наездницы Каллиполиса во время контрпереворота особенно сыграло им на руку.

Контрпереворот?

Пламя на вершине карстовой колонны почти полностью поглотило святилище. Крылья Спаркера черными тенями выделяются на фоне неба, когда Грифф возникает из огня, прижимая к себе своих близких.

– Это невозможно!

Роксана хрипло рассмеялась:

– Как я и сказала, Антигона, тебе надо мыслить шире. Ты так сосредоточилась на победе в этой битве, что проиграла войну.

Я открыла рот, чтобы ответить, и в этот момент каменная стена под нами рассыпалась.

ГРИФФ

У Агги всегда были слабые легкие. Как у нашей матери, которая однажды просто не смогла дышать и, заснув, больше не проснулась. Легкие, которым имбирь ненадолго помогал, но никогда не вылечивал окончательно.

Ее легкие с трудом переносили туман с моря, не говоря уже о дыме.

Ее легкие – это все, о чем я думал, пока Спаркер пробирался через заросли горящего папоротника. У меня не было огнеупорного костюма, моя туника сгорит к тому времени, как мы выберемся. Но я не переставал звать сестру.

И вот она уже появилась, прижавшись спиной к каменному алтарю святилища, она передает мне Гарета через крыло Спаркера, а затем и Бекку.

– Ты тоже...

– Сначала они...

Ее легкие. Но меня остановило то, как она посмотрела на меня, сказав:

– *Это фантазии, из-за которых мои дети погибнут.*

Я взял малышей на руки.

– Я вернусь за...

И тут мои уши разорвал страшный грохот, и мир погрузился в темноту.

ДЕЛО

Звук взрыва потряс воздух, завибрировав у нас под ногами. На мгновение все происходящее словно замерло: Грифф сюр Спаркер над бушующим огнем, две маленькие фигурки, безвольно свисающие из его рук, когда он забирал их из горящего папоротника у человека, которого я не мог разглядеть. Два дракона-аврелианца застыли, один прижимал другого к краю карста. Сгорбившись на крепостной стене рядом с Феми, я ясно видел все происходящее. Я видел на долгие мили вперед.

Карстовые грибы Торнроуза стали похожи на осколки стекла.

Норчианцы внизу разразились криками.

Я накрыл собой Феми, а Джепайра, рыча, выставила над нами крыло, защищая от обломков. Куски известняка размером с пушечное ядро падали в воду. Когда шум стих и Джеп убрала крыло, я рискнул поднять голову.

Карстовая колонна была расколота, словно разбитый цветочный горшок.

И когда пламя унялось, а пар и пыль осели, в воздухе больше не осталось драконов. Феми зарыдала, прислонившись к стене. Я вспомнил, как они с Роксаной совещались – *порох, почему бы и нет?* – и тут же обернулся к ней:

– Что только что произошло?

Слезы с новой силой заструились по лицу сестры. Она тоже видела женщину и детей на вершине карстовой колонны Торнроуз.

– Мы заминировали колонны. Мы с Этело хорошо знаем, как обращаться с порохом. После той катастрофы, когда каллиполийцы нанесли по нам воздушный удар, Великий Повелитель хотел, чтобы было средство для того, чтобы держать в страхе коренное население...

Феми и Этело всегда были сильны в расчетах, но это зашло дальше, чем я мог себе представить.

– Почему я не знал?

– Потому что ты – любитель простолюдинов! – выкрикнула Феми.

Очевидно, представители Триархии-В-Изгнании предположили, что я мог бы подумать о разрушении норчианских святилищ при помощи пороха слишком бесчестное дело, о которое я не стану пачкать руки. И в ответ я тоже завопил, тыча пальцем в дымящиеся руины, где еще несколько мгновений назад были видны силуэты Агги, Бекки и Гарета. Мы остались совсем одни на крепостной стене, и не было никакой нужды в осторожности, даже если бы меня это еще волновало.

– Там же были дети!

Я ждал, что она скажет: *Когда ты перестанешь быть таким любителем простолюдинов*, и с такой яростью стиснул кулаки, что ощутил, как Джепайра вот-вот готова изрыгнуть пламя.

Но моя младшая сестра лишь уткнулась лицом в ладони.

– Мне жаль, – сказала она. – Мне очень жаль.

ГРИФФ

Когда я пришел в себя, оглушенный звоном в ушах, мир все еще вращался вокруг. Я распростерся на каменной плите, которая когда-то была частью карстовой колонны Торнроуз, теперь боком лежавшей в воде, темная и шероховатая, там, где произошел раскол. Спаркер склонился надо мной, фыркая пеплом мне в глаза. Я перекатился на бок, кашля морской водой, и увидел рядом с собой рыдающую Антигону.

– Где моя сестра? – спросил я. – Где дети?

Я помнил, что взял детей, когда прогремел взрыв. Но теперь мои руки были пусты.

– Грифф, мне жаль...

– О, слава святыням!

Я увидел сестру, лежавшую рядом с Антигоной. Она была в безопасности, и Гарет тоже. Но Антигона не переставала плакать.

И это выглядело глупо, потому что с ними все было в порядке. Все, что нам нужно было сделать, – это найти Бекку, и тогда все действительно будет хорошо...

Я подполз к Агге, чтобы встряхнуть ее, и тут вдруг увидел, что лужа, разлившаяся вокруг ее головы, стала алого цвета.

– Грифф, мне жаль...

– Перестань это повторять! Агга, очнись!

Гарет тоже не шевелился.

– Аэла схватила их так быстро, как только смогла, – она все еще ищет...

С берега доносились крики, далекие и звонкие, как крики чаек, но здесь, на дымящемся, взорванном карсте, где я смотрел в лицо сестры, умоляя ее открыть глаза, здесь слишком тихо.

– Грифф, – дрожащим голосом спросила Антигона, – где Иксион?

– Откуда мне знать, где Иксион? – огрызнулся я.

Она плакала, обхватив себя руками, кровь струилась по ее мокрому лбу, смешиваясь с соленой водой.

– Он отправился в Каллиполис вместе с Фрейдой?

Сейчас, когда я склонился над сестрой, пытаюсь привести ее в чувство, эта девушка напоминала мне назойливую мошкару, липнущую к моему лбу.

И тут я вспомнил, что это действительно так. Я был на совете, после того как они привезли меня из Бесплодных Дюн, где было сказано, что все идет так, как и планировали Иксион и Фрейда. Я как раз был в воздухе, когда увидел Иксиона и Полукровок, направлявшихся в Каллиполис.

– Да, – ответил я, принимаясь делать сестре массаж сердца.

Антигона уткнулась лицом в колени и, впившись ногтями в волосы, пронзительно закричала.

– Агга, очнись!

Но сколько я ни пытался заставить эти дурацкие легкие снова работать, она по-прежнему лежала неподвижно.

– Перестань плакать, – сказал я Антигоне, но в ответ она зарыдала еще сильнее, а я все надавливаю и отпускаю, надавливаю и отпускаю грудную клетку Агги... И когда я остановился, чтобы перевести дыхание в третий раз, голова сестры лежала в багровой луже и она по-прежнему была страшно неподвижна.

– Пожалуйста, нет!

Я чувствовал себя так, словно над моей головой вздымается огромная волна, которая вот-вот утопит меня. *Не думай об этом. Этого не может быть, этого не может быть...*

Но ее тело такое холодное.

Как и у Гарета.

– Мне жаль. Мне так жаль...

На этот раз это произнес я, словно Мольбу к святыням, как будто я мог обменять вину на милость, как тогда, когда унижался перед повелителем драконов. Но святыни остались безмолвны, как и моя сестра и ее сын. Ибо что святыни когда-либо делали, кроме как были свидетелями нашей печали? Как сейчас, когда я сжимал в объятиях холодное тело сестры, которая как-то сказала мне, что эта мечта погубит ее детей, а вместо этого она погубила...

Мои мысли кружили вокруг ужасных слов, словно, отгородившись от них стеной, я мог избавиться от правды. Но волна все еще надвигалась на меня. Какие бы стены я ни возводил, она скоро обрушится на меня.

– Это не твоя вина, – сказала Энни, протягивая руку.

Я отбросил ее.

Она ошибалась. Она даже не представляла, насколько сильно заблуждалась.

Я задыхаюсь от осознания того, насколько она заблуждалась.

Но тут с острова снова донеслись крики, и когда я поднял голову, взглянув на берег, на пленных драконорожденных, на наших угнетателей, согнанных в кучу как скот, за их преступления, я понимаю, что есть одна вещь, в которой Антигона все же права.

Это моя вина. Но больше – это их вина.

Я потянулся к Спаркеру.

К черту милосердие. Они за все должны заплатить.

6

Не заслужившие милосердия

ДЕЛО

На мгновение я застываю рядом с Феми на крепостном валу, глядя на гавань внизу: мои родственники, сгрудившиеся на причалах вокруг горящего клипера, со всех сторон окруженные норчианцами. После того как взрыв вдребезги разнес карстовую колонну, против нас ополчились даже слуги из клана Торнроуз.

То, что было капитуляцией, скоро превратится в нечто иное.

Все взоры устремились на одинокого дракона-грозовика, прокладывавшего себе путь между обломками колонны Торнроуз.

Грифф приземлился на причале между своими и моими сородичами, и деревянные доски закричали под огромным весом Спаркера.

Даже с расстояния я видел, как лицо Гриффа исказилось от ярости, которой я никогда не видел у него раньше. Клыки Спаркера были обнажены, язычки белого пламени жадно лизали их.

Бывали времена, когда даже на расстоянии я ощущал эмоции Джепайры, как будто они были моими собственными. Но сегодня я чувствовал себя так, словно у меня произошел перелив эмоций не с моим драконом, а с другим человеком.

Грифф жаждал убийства. Не восторженного утреннего неистовства, а ледяного цинизма абсолютной смерти. Смерти каждого драконорожденного на этом острове, моего отца, брата, Полуаврелианцев, приютивших нас, изгнанников, с которыми мы разделили убежище...

Все мы скоро будем убиты.

Я двигался словно на автомате, не думая о том, что делаю. Отойдя от Феми, я запрыгнул на спину Джепайры, обняв ее за шею, и мы тут же оторвались от крепостной стены. Ей хватило пары взмахов крыльев, чтобы преодолеть расстояние до гавани, и вот мы уже приземлились между Гриффом и моими людьми. Джепайра – единственный дракон, оставшийся защищать нас.

Их было гораздо больше – семь к одному.

Я разжал пальцы, отпуская шею Джепайры, и мои сапоги скользнули на скрипучий дощатый настил причала.

Идти навстречу дракону, чьи клыки обнажены, а боевое пламя на подходе, – значит противоречить глубинным инстинктам. Но я изо всех сил заставлял себя шагать вперед, не глядя на ревущую толпу норчианцев, не глядя на свою семью и даже на Спаркера.

Я не сводил глаз с искаженного яростью лица Гриффа.

Оказавшись в пределах выстрела, я опустил на колени и уперся ладонями в дощатый настил причала.

Я слишком часто видел, как Грифф вот так вставал на колени, гораздо чаще, чем мне хотелось бы вспоминать. Перед своими хозяевами в Стеклянном зале, стоя на четвереньках, как собака. Передо мной, когда он плакал, чтобы поблагодарить меня за спасение семьи, которую я должен был защищать.

А теперь, несмотря на всю мою любовь к простолюдинам, их больше не было.

Глядя на свои руки, я начал произносить Мольбу на норише, так же, как это с детства учили делать народ Гриффа.

Даруй же милость свою, мой господин, недостойному своему слуге.

ГРИФФ

Приземлившись, я думал лишь о том, чтобы убить их всех. Даже Астианакса. Я хотел, чтобы им было больно. Но когда Дело начинает произносить Мольбу, я не могу отвести взгляд.

Дело знал все Мольбы наизусть и, кажется, собирался все их произнести. Он переходит к третьей, прежде чем я подумываю остановить его.

Все вокруг застыли в полном молчании, пока мы смотрели, как молодой повелитель драконов стоит на коленях, произнося Мольбы словно простолюдин. Его акцент звучал очень похоже на акцент норчианцев. Лучше, чем у большинства наших хозяев. Сколько я себя помнил, он всегда избегал излишнего внимания, но теперь Дело закатывал сцену, словно от этого зависела его жизнь.

Это выглядело настолько необычно, что ни норчианцы, ни драконорожденные не могли отвести от него взгляд. На крепостной стене над нами Феми Небесная Рыба наблюдала за происходящим, прижавшись к телу своего неподвижного дракона. По ее залитому слезами лицу и пустому взгляду ясно, что она осиротела. Когда я перевел взгляд с Дело на его сбившуюся в кучу семью, то увидел, как скривились от ярости губы его отца.

Но, застыв, мы все продолжали смотреть.

– Хватит, – услышал я собственный голос.

Дело услышал меня, на мгновение он запнулся, а затем продолжил, громко произнося слова на норише, упершись взглядом в землю:

– ...даруй мне милость, чтобы справедливо заслуженное наказание мое не пало на безвинную семью мою...

Я спрыгнул со Спаркера.

– Грифф, – зашипел Брэн у меня за спиной. – Что, черт возьми, это...

– Подожди.

Я приблизился к стоявшему на коленях Дело. Когда я поравнялся с ним, он хрипло всхлипнул и прижался губами к моему сапогу. Позади него Нестор судорожно вздохнул. Но мое сердце вдруг пронзило воспоминание.

Дело, присевший рядом со мной, пока я стоял на коленях в своем собственном доме, прижавшись губами к его сапогам, его пальцы подняли меня за подбородок, его рука накрыла мою ладонь, чтобы отдать мне ключ от Спаркера. *Делай то, что должен.*

И теперь, когда я это сделал, я все потерял.

– Довольно.

Наконец Дело прекратил Мольбы и взглянул мне в глаза. Его лицо осунулось.

– Твоя семья не безвинна, – сказал я. – Они не заслуживают нашего милосердия.

Развалившаяся на части, дымящая в небо клановая колонна – тому доказательство.

– Да, – ответил Дело, – не заслуживают. Но ты должен мыслить стратегически.

Мы говорили на драконьем языке.

– Стратегически?

Внезапно я снова увидел черты прежнего Дело в линии между его тонкими бровями: признак привычного раздражения из-за моей недогадливости. Он все еще стоял на коленях, однако теперь откинулся на пятки.

– Посмотри, кто здесь, – сказал он, жестом указывая на свою съжившуюся семью. – Половина флота отсутствует. Иксион захватил Каллиполис, и ему очень не понравится, что здесь произошло.

Впервые смысл слез Антигоны дошел до меня.

Наше восстание оказалось бессмысленным. Иксион и Фрейда совершат свое Долгожданное Возвращение на материк, а затем Полукровки вернутся и заставят нас за все заплатить.

Но даже осознавая это, я вдруг понял, что мне все равно.

Когда все оказалось напрасно, что еще нужно, чтобы окончательно отчаяться?

– И что?

– *Значит, тебе нужно отпустить большинство из нас,* – выдохнул Дело. – Оставить нескольких заложников, с которыми будут хорошо обращаться, чтобы связать Иксиону руки. Остальных целыми и невредимыми отправить на материк. Не давай Иксиону повода для мести.

Я слышал его словно толщу воды, не в силах понять смысл его слов.

Я делаю это для них. Я делаю это для тебя. Именно эти слова я сказал Агге, когда она расплакалась, узнав, что грядет Революция. Я закрыл глаза, вспомнив о ней.

Это мечта, из-за которой погибнут мои дети.

Так зачем все это, если они уже ничего не увидят?

Услышав тихий шорох, я открыл залитые слезами глаза. Рядом со мной опустилась Аэла, аврелианка Антигоны. Ее клыки стискивали промокшую рубашку, в которой болталась мокрая до нитки девочка. Она отплевывалась от морской воды, протирая глаза.

– Дядя?

Аэла опустила Бекку в мои объятия так же нежно, как кошка-мать укладывает котенка.

– Дядя, почему ты плачешь? Где мама?

Я прижал ее к груди, и огонь Спаркера, пылавший во мне, наконец-то потух.

7

Заложники

ДЕЛО

Несколько часов спустя, после того как норчианцы захватили крепость и началась зачистка, Грифф принял меня в гостиной Великого Повелителя. Когда я вошел, он бросал в ревуший огонь символы Полуаврелианцев и Триархии-В-Изгнании. Герб Норчии с пятью новыми звездами был перемещен в центр на стене. За окном виднелись искореженные останки карстовой колонны Торнроуз.

Он сильно осунулся. Искренняя ярость, которую я видел на причале, сменилась холодной отстраненностью. От Брэна, сопровождавшего меня на встречу, я узнал, что тело деда Гриффа было найдено среди мертвых на Кургане Завоевателя, с рыболовным гарпуном в руке, его щеки покрывала боевая раскраска вайдой.

В один день Грифф потерял деда, сестру и племянника.

А моя родная сестра осиротела от яда заговорщиков.

Теперь наше горе слегка утихло, но по-прежнему разделяло нас словно стена. Грифф сидел, и когда я остановился перед ним, он не предложил мне присоединиться к нему. Я пришел сюда как посланник от драконорожденных, чтобы договориться о заложниках.

– Я оставлю Электру, – сообщил Грифф.

Хороший выбор. Электра – вдова Грозового Бича, тетя, к которой Иксион был привязан, но не пылал горячей любовью. Он не стал бы слишком сильно настаивать на ее спасении. Я склонил голову, и Грифф вытаращился на меня, удивляясь моему послушанию. В остальном же он вел себя так, словно в наших новых ролях, где я стал просителем, не было ничего особенного.

– Леди Ксанта для Дома Аврелианцев? – предложил я.

Разговор шел на норише. Мы никогда не говорили на нем в постели, это – язык его народа, и сейчас он напоминал броню, которая разделяла нас. Это многое упрощало, потому что в норише нет различий между официальным и неофициальным обращением, между господином и его слугой. Мне неприятно думать о том, какие формы обращения мы бы использовали, если бы говорили на драконьем языке.

Грифф покачал головой:

– Она погибла. Вместе с Радамантом.

Он говорил об этом с таким безразличием, словно речь шла о незнакомцах, а не о родителях, с чьим сыном он когда-то тренировался и которым еще недавно прислуживал за столом.

Но почему Грифф должен был скорбеть о смерти Роуда, который издевался над ним, или о гибели Радаманта, который в лучшем случае относился к нему с пренебрежением?

Однако для меня эти люди были большой, хотя и несовершенной, семьей, и у меня перехватило дыхание.

Грифф откинулся на спинку кресла Великого Повелителя с таким видом, словно сидел в нем всю жизнь, и объявил с напускной непринужденностью:

– Я возьму Астианакса. Он выжил.

Младший сын Повелителя едва ли старше Бекки.

– Просто он только что потерял родителей.

Грифф равнодушно пожал плечом:

– Я ему нравлюсь. Его могла ждать и более печальная участь. Его могли бы сбросить с крепостной стены за то, что он единственный выживший наследник Великого Повелителя.

Это пустые слова, ведь я знал, что Грифф обожал Асти. Меня вдруг охватило желание встряхнуть его, накричать на него, сбросить с него эту маску триумфа, которую он носил с тех пор, как я встал на колени. Ведь я чувствовал, что под ней скрывается горе.

– В заложники от Небесных Рыб, – с решимостью тарана продолжал Грифф, – я бы взял Феми.

– Грифф, дракона ради, – произнес я на драконьем языке.

Грифф вскинул бровь:

– Мы будем говорить на норише, – произнес он. – Я выбрал Феми.

– Почему?

Он ответил, чеканя слоги:

– Потому что она любимица твоего отца.

Грифф служил моим оруженосцем почти десять лет. Он лучше других знал, кого из детей отец любил больше. И теперь он размахивал своими знаниями, как дубиной.

Почему ты так жесток?

– Она только что овдовела. От яда твоей подруги.

Грифф вскинул плечо и, не моргнув, выдержал мой взгляд.

– Ты обещал, – услышал я свой собственный срывающийся голос. – Ты сказал, что не причинишь им вреда...

Я впервые напомнил о том, как просил за своих брата и сестру, вне себя целуя его, впервые задумавшись о том, как он поступит с ключом от своего дракона. Тогда я мог донести на него, но не сделал этого.

И теперь мне оставалось только сожалеть об этом.

Грифф оборвал меня на полуслове:

– Я не причинил им вреда. Близнецы целы и невредимы. Чего не скажешь о моей сестре и ее сыне. И ведь именно Феми заложила порох в карстовую колонну, не так ли?

Его слова прозвучали мягко, но я понимал, что они подобны взрывчатке. Воображаемый фитиль, которому нужна всего одна искра, чтобы вспыхнуть. Однажды я попросил его спасти мою сестру, и он спас ее, но я не смог отплатить ему тем же. На мгновение единственный звук – это треск сгорающего в пламени герба драконорожденных и доносящиеся издали крики норчианцев, грабивших дома моих родственников.

Но я не мог позволить себе погрязнуть в чувстве вины за то, что случилось с семьей Гриффа, пока моя семья все еще в опасности. Мое сердце глухо колотилось.

– Позволь мне остаться вместо Феми.

Он заморгал.

– Прошу. Оставь меня своим секретарем, слугой, кем пожелаешь...

Я не договорил, но мысль была вполне ясна. Губы Гриффа скривились, когда он понял.

– Искусство, – деликатно заметил он, – в котором ты предлагаешь свои услуги, требует мастерства, которого тебе не хватает.

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо.

– Что ж, прости, что у меня нет твоего опыта.

Брови Гриффа взлетели вверх, скрывшись под копной вьющихся волос. Невыносимо было стоять, когда он вот так сидел передо мной, и ждать. Он помолчал, давая понять, что мне лучше не оскорблять его сейчас, когда я пытался добиться его благосклонности. Меня охватило чувство неловкости, и я не знал, куда деть руки.

Я медленно отступил назад, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не стиснуть кулаки.

– Я стал бы серьезным рычагом давления.

Грифф фыркнул:

– Как мой... мой любовник? Я уверен, что это не так.

– *Как наследник моего отца.*

Я и сейчас его наследник. Кому бы там отец ни отдавал предпочтение.

Грифф внимательно изучал мое лицо. Я понимал, что он, даже против своей воли, заинтригован. Или же ему просто было смешно.

– Мне не нужен любовник, – сказал он, осматривая свои ногти, – хотя я и польщен. Мне бы не помешал работник в драконьих логовах.

Он, несомненно, играл со мной. Но мое отчаяние было столь велико, что мне было все равно.

– Я мог бы управлять делами в твоих логовах.

– Я не говорил, что мне нужен управляющий.

Он хочет, чтобы я убирал дерьмо? Отлично.

Я сделаю все, что потребуется, чтобы искупить вину перед своей семьей, которую предал.

Грифф фыркнул в ответ на мое молчание.

– Хорошо, – сказал он, вставая. – Но твой дракон отправится в Каллиполис.

8

Пока смерть не освободит меня

ЭНИИ

После разрушения карстовой колонны и святилища клана Торнроуз Грифф пресекает любое проявление насилия к пятому клану – за исключением выставления на всеобщее обозрение их марионеточного короля, чье тело свисало с крепостных стен. Для павших драконо-рожденных, по просьбе Дело, разрешили устроить погребальный костер, а шлюпки, на которых Три Семьи должны были отправиться в изгнание, ждали рядом. Их поместья были разграблены, кладовые опустошены, и к полудню по всему острову началось пиршество. Звуки норчианских труб наполняли воздух мелодиями, которые напомнили мне песни из детства, и мне пришло в голову, что, возможно, они произошли от тех же древних песен.

Мы с Даком не участвовали в этом пиршестве. Нам было нечего праздновать.

Вместо этого, расположившись на утесе, с которого открывался вид на костер драконо-рожденных, мы собираем доказательства и взвешиваем свои шансы. Иксион исчез. Фрейда тоже, вместе со своим Великим Драконом. Третий флота, состоящая из незаконных драконо-рожденных, известных как Серые наездники-полукровки, пропала. План, о котором злорадно рассказывала мне Роксана, а до этого Иксион и Роуд Даку, запертому в темнице, издеваясь над ним.

Контрпереворот.

Рядом с Даком мой провал кажется не столь ужасным, но время от времени на меня накатывает отчаяние: я поклялась защищать Каллиполис, а потом оставила свой город без защиты. Я нарушила клятву Стражника и потерпела неудачу как Первая Наездница. И из-за меня семья Гриффа погибла в Революции, которая, насколько я знаю, ни к чему не привела.

Все мое тело зудит от нетерпеливого желания взмыть ввысь, и мое нетерпение передается Аэле, свернувшейся в ворохе водорослей рядом со мной. Меня постигла неудача, но я закончу начатое. Нам только нужно вернуться домой.

Но сначала я должна кое-что ему сказать:

– Дак, во время воздушного налета...

Внезапно меня сковал ледяной ужас. Он вернется живым к своей семье, но обнаружит, что сестры больше нет.

– Я знаю, что случилось с Аной.

Аэла почесывалась, ее чешуя зудела после целого дня в доспехах, но, ощутив мое удивление, оторвалась от своего занятия и уставилась на меня. Дак не сводил глаз с горизонта, где серое море сливалось с небом.

– Помнишь, как Иксион тайно вывозил каллиполийские газеты? Там была статья Кора, они с Роудом прочитали ее мне.

Во время бунтов Отверженных Кор написал статью, в которой рассказывал, что из-за железного браслета его сестра не смогла найти место в Бункере, когда случились воздушные налеты. И все потому, что она плохо сдала тест. Статья была сдержанной, но в ней безошибочно угадывалась душевная боль. Я представила, как слова Кора о моей собственной сестре читал бы насмешливый Иксион. Глядя на непроницаемое лицо Дака, я думала: *Я убью их всех.*

Рядом с нами послышался низкий и грозный рык Аэлы.

Я пыталась найти способ продолжить разговор, переступив через свой ужас и безжизненный взгляд Дака. Но он заговорил первым:

– Я знаю, что были беспорядки. Знаю, что у Иксиона был план попытаться снискать благосклонность Народного собрания, соблазнив людей продовольственной помощью от Басси-

леи. Но я не верил, что это сработает. Принятие помощи от Бассилеи означало бы вассальную зависимость. Каллиполийцы не настолько глупы.

Откуда у Дака этот наивный оптимизм и как получилось, что даже после нескольких месяцев в тюрьме он не утратил его?

– Граждане Каллиполиса ничем не отличаются от любых других людей, которым приходится терпеть голодать. Они отчаялись.

А что им еще оставалось с Фрейдой Бассилеон, ее голиафаном и ее войсками?

Дак крепче обнял колени и, уткнувшись в них лицом, пробормотал:

– Ты возвращаешься?

Это не тот вопрос, которого я ожидала.

– Конечно.

– Я думал... остаться. – Дак изучал свои колени. – Лена попросила меня остаться с ней.

Я подумала, что это такое же чудо, как то, как Бекка, живая, вышла из морских волн, отплеываясь от соленой воды, чудо, словно свежий зеленый росток, пробившийся сквозь ворох мертвых листьев.

– Ты счастлив с ней.

Дак кивнул.

– Когда я осиротел, – произнес он, так сильно поникнув головой, что я увидела его затылок. – Это было невыносимо. Я ужасно скучал по Сетре. – Я замерла, внезапно вспомнив о своей руке, которой рассеянно почесывала под хохолком Аэлы, о том, как он ни разу не взглянул на нее, с тех пор как мы присоединились к нему на этом склоне. Но затем он поднял голову: – Но одновременно я испытал облегчение. Я почувствовал, что от чего-то освободился.

Мне потребовалось мгновение, чтобы понять:

– Клятвы?

Мы поклялись защищать город, не заводить семью, полностью посвятив свои жизни служению Каллиполису и его народу, пока смерть не освободит нас.

Дак кивнул.

– Мы были такими юными, когда связали себя этими клятвами, Энни. Ты когда-нибудь задумывалась... что было бы, если бы мы не сделали этого...

Я некоторое время размышляла, прежде чем ответить. Все возможные варианты из моей жизни в основном выглядели безрадостно. Я вспомнила девочек, с которыми росла в приюте, которых в лучшем случае ждала мануфактура, а в худшем – улицы, свою мать, у которой были рты, которые она не могла прокормить, и беременности, которые она не могла предотвратить. Была ли она счастлива, прежде чем истекла кровью на родильной кровати? Я плохо ее помнила и не могла этого знать. Но даже если она была счастлива, я не могу представить, чтобы сама захотела себе такую жизнь.

Теперь моя очередь избегать его взгляда. Я сосредоточенно потирала ногтем большого пальца отмершие чешуйки под седлом Аэлы.

– Думаю, для меня другие варианты были бы не настолько хороши.

Дак не стал спорить. Но по его молчанию я поняла, что он заметил, как я это сказала. Может быть, в детстве меня приводили в восторг полеты на драконах. Но теперь все иначе. Бекка мечтала стать мной, когда вырастет, но я не уверена, что это было бы правильно.

Раньше я представляла, что мы будем героями. Сегодняшняя попытка проявить героизм привела к самому большому провалу в моей жизни.

Если бы я могла повернуть время вспять и снова получить возможность сделать выбор, согласилась бы я дать эту клятву?

Аэла обернулась ко мне, кося янтарным глазом. Мне вдруг показалось, что в ее взгляде промелькнуло осуждение, как будто она почувствовала мои сомнения и обиделась. У меня

вдруг возникло желание уткнуться лицом в ее теплую шею, но в присутствии Дака это было недопустимо. Вместо этого я выдавила из себя улыбку.

– Я рада за тебя, – сказала я ему, убеждая себя, что верю в это. – Я счастлива, что ты счастлив.

Я встала и тут же заметила, что он нахмурился.

– Ты тоже имеешь право быть счастливой, – говорит он.

Я не уверена, что это так. Аэла присела на задние лапы, с звонким хрустом встряхивая крыльями, уже стремясь к полету. Она оставила за собой отпечаток увядшей, обугленной травы размером с дракона. Я коснулась плеча Дака:

– Оставайся здесь с Леной, подготовь убежище, которое может нам понадобиться.

Будь счастлив за нас двоих.

Мы с Аэлой спустились на берег, чтобы узнать перед отлетом последнюю информацию. Мне были нужны драконы, целая флотилия драконов, но я понимала, что норчианцы не могли мне их дать прямо сейчас. Они захватили остров, на котором необходимо поддерживать порядок и надежно защитить. Поэтому я попросила то, чем Грифф мог поделиться, – информацию.

Стоя на берегу, он наблюдал, как драконорожденные готовятся к отплытию. Его взгляд скользил мимо костров и лодок, задерживаясь лишь на одинокой стройной фигуре, слившейся в объятиях с небесной рыбой! словно питон, обхвативший кольцами свою жертву, ладони мужчины сжимали узкую морду дракона.

Дело, расстававшийся со своим драконом. Заслышав мои шаги, Грифф обернулся. Его лицо было напряжено.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне все, что знаешь о Фрейде.

Он заворчал:

– Я знаю, что это из-за нее я оказался в темнице. Она написала записку с требованием арестовать оруженосцев. А потом, должно быть, донесла на меня за то, что я ее прочитал.

У меня за спиной раздался едва слышный голос, который я поначалу не расслышала:

– Это не она. – Дело высвободился из объятий Джепайры, хотя его пальцы по-прежнему стискивали ее радужный гребень. Хвост дракона безвольно развеивается по ветру. – Мы узнали, что она передала тебе записку только после того, как Скалли сообщил о пропаже твоего дракона. Иксион был в ярости от того, что она передала приказ через тебя. Я был там.

Услышав голос Дело, Грифф склонил голову, но не обернулся.

– И что она ответила? – спросила я.

Дело пожал плечами. Его голос звучал ровно, слегка иронично:

– Фрейду бывает сложно... понять. Казалось, что все это ее сильно позабавило. Она сказала, что восхищается смелостью Гриффа.

У Гриффа отвисла челюсть, и весь его вид говорил о том, что сейчас ему меньше всего хотелось бы слышать о собственной смелости. На мгновение между нами повисла тягостная тишина. Дело, кажется, окончательно выдохся. Драконорожденные из последних сил пытались разжечь костер; их мертвые возвышались над нами, прислонившись к обломкам деревьев.

Дело издал клопочущий звук, и Джепайра бросилась к нему, предлагая свое пламя.

Грифф заговорил, обращаясь ко мне:

– Иксион захочет твоей крови. Сейчас больше, чем когда-либо.

Я показала Аэле ее седло, и она опускается, чтобы взять его с хриплым ворчанием.

– Знаю.

Грифф машинально потянул себя за рукав:

– А ты?

Когда мы впервые встретились, Иксион назвал меня крестьянской стервой и заявил, что однажды заставит меня и моих вонючих сородичей вспомнить, что мы принадлежим ему.

Глядя на усеянные шрамами руки Гриффа, я понимала, что это значит. Побои и ожоги, которыми Иксион потчевал крепостных, которые ему не подчинялись.

Грифф думал, что я не понимаю, с чем мне придется столкнуться. Но он не мог понять, что у меня не было выбора. Двумя короткими рывками я затащила подпругу Аэлы. Я знала, что ее тело, натертое снаряжением, болит после долгого дня, проведенного в напряженных полетах, но моя послушная девочка не жаловалась.

– Будет ли он более милосерден к Ли, который убил его сестру? К моим наездникам, у которых такое же низкое происхождение, как и у меня?

На это у Гриффа не нашлось ответа.

Я устало вскарабкалась в седло, и Аэла резко раскинула крылья.

Настало время выяснить, какой бардак произошел у меня дома, когда я отправилась сюда, чтобы поиграть в героиню.

9

Атрей Атанатос

ЛИ

КАЛЛИПОЛИС

С меня сняли браслет лишь после того, как увели последних Стражников. Мне не надели мешок на голову, поэтому, пока мы идем из Внешнего дворца во Внутренний, я могу видеть знамена Триархии, поднимавшиеся вместо революционного над зубчатыми крепостными стенами. Эдмунд тащил меня за руку, а Иксион следовал за нами по пятам. Мое запястье без браслета, с помощью которого я мог призвать Пэллора, казалось обнаженным и слишком легким.

– Дракон в порядке, – сказал Эдмунд, заметив мой взгляд, – пока в порядке.

Мы вошли в заброшенный коридор Внутреннего дворца, который я сразу же узнал. Оказавшись в прихожей помещения, которое когда-то было крылом Грозовых Бичей, я замер.

– В чем дело, кузен?

Но Иксион точно знал, в чем проблема. Когда я не ответил, Эдмунд протащил меня под притолокой.

– Так это и есть покои предков, о которых я так много слышал...

Иксион невесело улыбнулся:

– Не хочешь ли ты послушать некоторые воспоминания? – Он указал на главный коридор, теряющийся во мраке, который вел в прежние апартаменты Западного Триарха. Со времен Революции здесь располагалась канцелярия. – Внизу было место, где мы с Джулией прятались в шкафу в Дворцовый день. Знаете, они поместили мою мать клеймом для скота. В память о моем отце, которого потом убили. Я до сих пор помню этот звук...

Он изобразил шипение раскаленного железа на коже, проводя пальцем по моей руке. Эдмунд нервно усмехнулся.

– Что теперь в наших старых апартаментах? – Прищурившись, Иксион взглянул на полки, уставленные каталогами. – Подразделения Цензурного Комитета. Очаровательно.

Я всерьез начал упираться, когда Эдмунд заставил меня остановиться перед дверью, о которой я думал с тех пор, как мы вошли в это крыло.

– А это... *Дворцовая революционная коллекция*, – прочитал Иксион табличку на двери. – Итак, я – бумаги, а вы – хранилище. Бюрократия!

Он выбил дверь в помещение, где когда-то располагались покои моей семьи.

– Старые бабушкины вазы! – Он оглядел переоборудованную кладовку и резко развернулся ко мне: – Гостиная, не так ли?

Я почувствовал, как холодный пот выступает у меня на спине.

По правде говоря, я избегал этой части Дворца с тех пор, как меня приняли в Стражники. Единственный раз, оказавшись на пороге этих покоев, я бросился бежать. Я так хорошо знал *эту* комнату, что мне чудился шепот мертвых.

– Лео, – с улыбкой обратился ко мне Иксион, – показывай дорогу.

Я выдернул руку из хватки Эдмунда и двинулся вперед через груды пыльных, покрытых плесенью старых вещей, принадлежавших моей семье. Мамины выцветшие платья, выглядававшие из шкафа. Расчески Лариссы, покрытые паутиной, забытые на пыльном письменном столе Лаэрта...

Он хочет, чтобы ты увидел эти вещи. Чтобы вспомнил их. Чтобы почувствовал.

И это сработало.

Я остановился перед дверью гостиной. Шепот мертвых оглушал меня. Я едва расслышал слова Иксиона, когда он что-то положил мне в ладонь. Я опустил глаза и увидел отцовский

кинжал. Тот самый, который у меня забрали сегодня утром. Энни нашла его в этой комнате несколько дней назад, когда искала драхтаназию.

Я хочу, чтобы, глядя на этот нож, ты вспоминал, что он принадлежал отцу, любившему тебя. И хочу, чтобы ты помнил, что я дала его тебе.

Энни все еще там. Энни. Ее имя – как заклинание, возвращающее меня к самому себе. К тому, кем я решил быть.

– И что мне с этим делать?

Иксион улыбнулся:

– Думаю, мне не надо тебе объяснять. Мы заберем тебя на закате.

Эдмунд повернул ручку и затолкал меня в комнату.

В гостиной царил полумрак. Изъеденные молью портьеры длиной до пола закрывали окна, из которых открывался вид на Огненную Пасть. Люстра криво свисала с потрескавшегося потолка. Одинокий складной карточный столик был установлен в центре комнаты между двумя стульями с прямыми спинками, словно приготовленный для допроса. Вся мебель и предметы интерьера были убраны, кроме ковра, на котором проступали ржаво-коричневые пятна там, где, как я помнил, пролилась кровь.

Я помнил отца, стоявшего на коленях. Мать, которая умоляла пощадить нас. Лариссу, которая боролась, Пенелопу, обещающую вести себя хорошо, вздохи умирающего Лаэрта. Смех.

Дверь за мной захлопнулась, и я остался один.

Когда тени начали удлиняться, заполняя комнату, как призраки, восстающие из пыли, я задал себе вопрос, должен ли я воспользоваться кинжалом, чтобы убить себя.

Немедленно прекрати эту чушь.

Прошу, Атрей. Мой сын.

Голос, говоривший на каллийском, которого я не знал тогда, но знаю теперь: *Отведите мальчика в коридор и перережьте ему глотку.*

Воспоминания сомкнулись над моей головой, как вздымающиеся волны, и я оказался под ними, в темноте.

Когда дверь снова распахнулась и до меня донесся голос, я обнаружил, что стою на коленях посреди ковра, на котором когда-то лежали тела моих близких, и смотрю на силуэт фигуры со связанными руками, которую втолкнули в комнату вместе со мной. Свет, проникающий в приоткрытую форточку окна высоко над нами, освещал длинное лицо, уже опухшее от синяков, но взгляд этого человека пронзал той же сталью, что и прежде.

– Здравствуй, Ли, – сказал Атрей Атанатос.

Я с трудом поднялся, сжимая кинжал в дрожащей руке.

Губы Атрея скривились в улыбке. Кровь струйками стекала по его лбу. Его руки были связаны за спиной, и он не мог вытереть лицо.

– Полагаю, это вполне уместно, – сказал он.

Меня трясло. Клацая зубами, я выдавил из себя:

– Что уместно?

– Эта комната. Этот кинжал. Ты.

Он выглядел абсолютно невозмутимо, и казалось, будто он совершенно не удивлен, поэтому, если бы не связанные руки и я, стоявший напротив с кинжалом в руке, я мог бы принять это за урок.

Он считал, что я его убью.

Иксион, Эдмунд и Атрей считали, что, если меня посадить в комнату с человеком, ответственным за гибель моей семьи, и дать мне кинжал, я сам совершу казнь.

Кровь на моих руках как отказ от одного режима и крещение на верность другому.

А если я не хотел этого крещения?

У меня уже был шанс убить Атреуса. Я отказался. Я могу отказаться снова. Даже если призраки в этой комнате шептали, что хотят этого.

Дрожащей рукой я положил кинжал на карточный стол.

Атрей выглядит так, будто это развеселило его больше всего.

– Ли, – сказал он, – мое время вышло. Пощадишь ты меня или нет, я уже мертвец. У тебя же есть шанс выйти из этой комнаты с развязанными руками.

– Они могли бы судить тебя.

Атрей тихо усмехнулся:

– Суд с единственно возможным приговором. Поэтому я предпочел бы именно это падением с высоты и резким ударом о землю или другим фантастическим вариантам, которые твой кузен мог бы продемонстрировать на арене.

Я не мог скрыть удивления:

– Ты хочешь, чтобы я это сделал?

Атрей медленно опустил голову:

– Думаю, настало время тебе отомстить за свою семью. Но прежде чем ты это сделаешь, я хотел бы обсудить, что ты будешь делать после.

* * *

Я развязал Атрею руки. Мы уселись друг напротив друга за единственным столом, отцовский кинжал лежал между нами, под ногами – ковер, запятнанный кровью моих близких. Тени удлинялись по мере того, как день клонился к концу. Едва слышный голос Атрея бесплотной тенью парит в воздухе, словно еще один призрак из моего прошлого.

Но другие призраки затихли. И лишь наши голоса нарушали тишину.

– Ты сказал, что у меня извращенное понятие о справедливости, – заметил Атрей с хладнокровием учителя, проводящего опрос учеников, словно и не повторял то, что я кричал ему в лицо, когда Пэллор прижимал его к земле, готовясь выстрелить. – Очень хорошо. Как бы ты его изменил?

Этот разговор, предложенный Энни, произошел у нас с Атреем несколько месяцев назад. Тогда я был так зол на него, что не стал бы даже задумываться об этом. Теперь гнев прошел. Я обнаружил, что хочу, чтобы Атрей, наставник и учитель, проверил мои доводы, как он всегда делал.

– Все начинается с того, что все мы одинаково достойны.

Как только я это произношу, я чувствую, что останавливаюсь. Именно так я думал, когда начинал писать статьи в поддержку демократических реформ в предверии Бункерных бунтов, но теперь все иначе. Возможно, все начинается с демократических реформ, но на этом не заканчивается. Теперь я видел, что происходит дальше.

Я видел захваченное Народное собрание.

На мое молчание Атрей мягко сказал:

– Любое решение несовершенно.

С отчаянием я спросил:

– Тогда в чем вообще смысл...

– ...попыток? Я бы сказал, смысл именно в попытке. Выйдя из этой комнаты, ты будешь окружен людьми, которые ни на йоту не заботятся о том, чтобы творить в этом мире добро. Когда-то и я был окружен такими людьми. Можешь мне поверить, ты почувствуешь разницу.

В начале своей карьеры Атрей был советником Арктура Аврелианца, триарха, чей режим был настолько продажен и развращен, что Атрей в конце концов поднял восстание против него. Спустя столько лет воспоминания об этом все еще вызывают ярость у Атрея, звучащую в его голосе:

– Эти простые слова, эти глупые идеалы. Те, у кого их нет, недооценивают их. Они не могут представить, что твой крошечный огонек цели способен превратиться в бушующее пламя, способное сжечь целый мир. Они не могут представить, что эти слова, легкие, словно перышко, дают вам силы выдержать самую жестокую боль. Они не могут представить, что идеи могут быть мощнее драконьего огня.

– Но ты, Ли, знаешь этот секрет.

– Ты будешь держать в руке зажженную свечу. Пламя развевается на ветру. Тебе придется защищать его. На какое-то время, возможно, тебе придется спрятать его. А потом решить, как его использовать. Возможно, ты решишь устроить пожар и строить светлое будущее на пепелище? Возможно, зажжешь фонарь и полезешь вверх, надеясь, что твоего света будет достаточно для тех, кто внизу? Или решишь осветить путь для кого-то другого?

Я подумал о *«Революционном манифесте»* Атрея, о его первом наброске, написанном, когда он был не намного старше меня.

– Ты решил устроить пожар.

Атрей медленно кивнул.

– Власть всегда была моим соблазном и моей слабостью. Как и для тебя.

Я мог бы попытаться отрицать это, но в этой комнате, где свидетелями были лишь призраки, я не осмелился. Мне становится легче оттого, что я могу сказать:

– Теперь у меня нет надежды на власть. Даже если они отпустят меня после того, как я тебя убью. Я буду скован Реставрацией, в лучшем случае стану марионеткой в их руках. В худшем – погибну по приказу Иксиона, чтобы отомстить за Джулию.

Атрей произнес:

– Думаю, ты столкнешься с величайшим искушением властью, которое когда-либо знал. Я ощутил холод, который не был похож на зимнюю стужу.

Услышав стук в дверь, я вскочил.

Я почти забыл, что последует дальше.

– Думаю, это сигнал тебе, – сказал Атреус, и на этот раз я разглядел его улыбку в угасающем вечернем свете. От нее веет особенной иронией, которая всегда отличала его. – Если не возражаешь, я хотел бы послушать вечерних чаек. Всегда считал, что город прекраснее всего в сумерках.

Я раздвинул шторы и распахнул затянутое паутиной окно. Комнату, которая когда-то была гостиной моей семьи, заполнил гомон морских птиц.

Затем я взял отцовский кинжал и приблизился к Первому Защитнику.

– Ли?

Имя, которым он помазал меня в Крепости, после того, как я убил свою сестру и отрекся от имени, данного мне семьей. Подтверждая мою клятву Стражника служить Революции, потому что я верил, возможно, наивно, искренне, в идеал будущего, которое обещал этот человек.

– Да?

– Ты был моей самой большой ошибкой.

Все поплыло у меня перед глазами. Я крепче стиснул кинжал. Я хватаюсь за нож. А затем резко взмахнул им.

* * *

Когда постучали снова, я распахнул дверь, ручка прилипла к моей ладони, окрасившись красным. Атреус не шевелясь поник у меня за спиной.

– Отлично, – сказал мой сводный брат, переводя взгляд с моего влажного лица на запятанные кровью руки. – Вижу, ты готов присутствовать на первом Тайном совете Иксиона.

Часть II Рестаuration

10 Старый друг

ЭНИИ

КАЛЛИПОЛИС

День освобождения Норчии клонился к закату, и в сумерках мы с Аэлой отправляемся в обратный полет. Не успев добраться до побережья Каллиполиса, мы увидели флотилию, заходившую в гавань форта Арон, на флагах виднелось изображение желтого кита – символа Басилеи. Пушки не стреляли, форт не оборонялся. Здесь были рады их прибытию.

Я пнула Аэлу в бок, и мы умчались вверх, в завесу слоистых облаков, подальше от посторонних глаз.

Продвигаясь на юг, мы то и дело вырывались из пелены облаков, поднимаясь вверх, чтобы разведать обстановку, вниз – чтобы сориентироваться, пока нити облаков, пронизанных солнцем, не исчезли, и теперь мы обзревали раскинувшиеся внизу холмы, разбросанные по равнинам, город и возвышающуюся вдаль Крепость. Дракон размером с огромного кита лениво кружил над Крепостью, и на его фоне она казалась игрушечной. Ее тень, нависшая над городом, напоминала огромную карстовую колонну.

Я впервые увидела голиафана Фрейды.

После этого не было смысла подбираться поближе, чтобы рассмотреть, какие знамена реяли на ветру. Я уже все поняла.

Мы уже почти скрылись из виду, когда заметили патрульную пару.

Это два дракона-грозовика, но их доспехи не революционного красного цвета. Они серые, с тремя драконами Триархии, кружащими вокруг черного клевера. Белый цвет символизировал законорожденных представителей Триархии, эти же, в сером, судя по всему, Полукровки, о которых я слышала.

Драконы в питианских доспехах реяли над *моим городом*.

И одного из драконов я узнала.

Пауэр сюр Итер в серых доспехах летели в паре с врагом.

Они заметили меня сразу же после того, как я заметила их. На мгновение мы втроем застыли в миле друг от друга, озаренные золотым светом в пространстве между двумя слоями слоистых облаков. Хвост Итера напрягся на ветру. Аэла, которая знала Итера как партнера по спаррингу, фыркнув, дернулась подо мной, почувствовав, что здесь что-то не так.

Два грозовика развернулись к нам, и Аэла тут же нырнула вниз. Снова зарывшись в облака, мы начали петлять сквозь плотную пелену. Заходящее солнце наполняло туман золотистым сиянием.

Бац.

Внезапно из золотого свечения возникла огромная черная фигура и врезалась в Аэлу. Та пронзительно завизжала. Мы начали кружиться, теряя высоту. Я слышала, как ругается Пауэр. Когти Итера впились в крылья Аэлы, пригвоздив меня к седлу.

– Ты поймал ее? – послышался сквозь туман голос на драконьем языке.

Аэла билась, пытаясь освободиться, а я рыдала от разочарования.

– Ты вероломный ублюдок...

Пауэр зашелся грубым, безумным смехом. Аэла извернулась, укусив Итера за коготь. Итер взвизгнул, но не отпустил свою жертву. Пауэр ударил его в бок, а затем пробормотал дракону команду, которую я не могла слышать.

Итер отпустил Аэлу.

– Почти! – крикнул Пауэр сквозь туман.

Я ударила Аэлу пятками в бока, но в этом не было необходимости, она уже улепетывала.

После, в преломленных облаками лучах закатного солнца, на ветру, пронизывавшем мой огнеупорный костюм, чувствуя, как ледяная изморозь сковывает мои волосы в сосульки, я зарылась лицом в гребень Аэлы и разрыдалась.

Пауэр не оставил больше сомнений: Каллиполис пал. Я покинула свой город, оставив его без охраны, когда он нуждался во мне больше всего. И теперь я могла только представлять, что происходит со Стражниками, которые не захотели, как Пауэр, переходить на сторону врага.

Я чувствовала тоску Аэлы по своему гнезду, по дворцовым логовам, где она думала, ее ждет Пэллор. Я не знала, как поведать ей, что, возможно, она навсегда потеряла это гнездо.

И где был Пэллор? Все ли с ним было в порядке?

А Ли?

Я едва осмеливаюсь думать об этом.

– Потерпи, дорогая.

Лишь когда стемнело, Аэла осмелилась высунуть голову из облаков. Под нами раскинулся темный Каллиполис, мерцавший россыпью огней. Аэла вскинула голову, сопротивляясь сдерживающей силы натянутых поводьев, не дававших ей ринуться к Огненной Пасти. Вместо этого я направила нас к дальнему краю Крепости, где у подножия карстовой колонны раскинулась девственная кедровая роща.

Продравшись сквозь мягкие ветви, мы приземлились на подстилку из опавшей хвои, а когда все вокруг стихло, до нас донеслось журчание воды. Источник Паррона был совсем близко. В последний раз я была у источника во время учебы, когда мы в детстве ходили в поход с другими Стражниками. Я была ребенком, но отлично запомнила тот урок. Как нам сказали, именно здесь Пито Объединитель вывел из яйца своего Паррона, а затем основал свою Крепость на карсте и положил начало золотому веку Каллиполиса. Но для меня сейчас было важно лишь, что источник пустынен и защищен густым лесом. Пасмурное небо окрасило кедры в черный цвет.

Я отстегнула сапоги от стремян и сползла со спины Аэлы. Мои бедра болели, и я почувствовала облегчение, ощутив под ногами твердую почву. Но не успела я распрямить спину, как Аэла начала рыскать в темноте, словно охотничья собака.

– Аэла, *перестань*...

Ветки хлестали меня по лицу, пока я вслепую мчалась за ней.

Я нашла ее у подножия карстовой колонны, перед отверстием, которое в темноте кажется огромной черной дырой. Ее ноздри раздувались, когда она вдыхала холодный воздух, скопившийся в глубинах пещеры, и как только образ Пэллора материализовался у меня в сознании, я все поняла.

Это был вход в драконьи гнезда. Подземная сеть пещерных туннелей под дворцом была обширна и подобна лабиринту, а самые нижние уровни, по рассказам, соединялись с городской дренажной системой. За те годы, что я спускалась по коридору в пещеры драконов-аврелианцев, где располагалось гнездо Аэлы, я познакомилась лишь с частью системы туннелей.

Я знала, что есть и другие входы, но до сих пор не видела ни одного.

Неподалеку река Фер ревела у подножия кедровой рощи и Источника Паррона. Перед нами зиял вход в гнезда. Аэла напряглась, пригнувшись, ее чешуя встала дыбом. Ее тревога передалась и мне: она чуюла запах Пэллора, но он смешивался с запахом других незнакомых ей драконов. Чужих драконов в наших пещерах.

Наши тоже были там. Они были напуганы, из туннеля отчетливо доносился запах страха даже сюда, но пока что они все были целы и невредимы.

В том числе и Пэллор.

Внезапно она с рычанием бросилась в зияющий мрак, и прежде чем я успела шикнуть на нее, чтобы остановить, она уперлась мордой во что-то твердое и холодное.

Проход преграждала железная решетка, каждый прут толщиной с мое запястье. Когда она попыталась исторгнуть пламя, я остановила ее.

– Если мы ворвемся сейчас, то сразу выдадим свое убежище. Надо придумать план.

Она обернулась ко мне в темноте, словно говоря: *Тогда придумывай.*

Образ Пэллора, серебристый, изящный, манящий, снова затуманивает мое зрение. Я хлопнула себя по затылку, отгоняя мысли Аэлы прочь. Манящий? Ух.

– Оставь эти мысли при себе. Он там, внутри. И пока в безопасности.

Но надолго ли?

Я отчаянно нуждалась в ответах. Ответах, которые не могла получить, будучи драконьим наездником.

– Днем надо затаиться, – сказала я Аэле. – Охотиться лучше ночью.

Аэла наклонилась вперед, уперлась мордой мне в лицо и выдохнула горячий воздух.

Похоже, это означало одобрение, потому что она начала наматывать круги, специально окуривая покрытую иглами землю, чтобы соорудить себе гнездо. Прижав крылья к бокам, она улеглась, обвив себя хвостом.

Взвалив на плечо седельную сумку, я почесала подбородок Аэлы, видя, как сонно закрываются ее глаза, и отправилась на берег реки Фер, мои сапоги хлюпали по плотной грязи. Остров Мертвых возвышался посреди реки, древние гробницы драконорожденных выступали черными силуэтами, потрескавшимися и разрушенными Революцией. Вода ревела громче моих мыслей, когда я обходила берег, двигаясь вниз по течению вокруг подножия Крепости. Сначала надо мной взмыли вверх стены арены, затем Внешние стены дворца и, наконец, мост Хаймаркета. Бродяги собрались у костра, плававшего в бочке под каменными колоннами. Прежде чем покинуть берег, я скрылась в тени, роясь в седельной сумке. Платье, спрятанное в сумке, принадлежало Агге. Борясь с подступающими слезами, я снова натянула его поверх своего огнеупорного костюма и обмотала волосы ее шарфом.

Затем я поднялась по узкой лестнице на речной берег и перешла мост в Хаймаркет.

Первый раз я замедлила шаг, вспомнив один разговор. *Энни, мне нужно с тобой поговорить... что-то происходит.*

Она не тот человек, от кого я хотела бы получить помощь; она даже не нравилась мне. Во время нашего самого долгого разговора я угрожала ее семье драконьим огнем, а несколько дней спустя она опубликовала историю этого обмена мнениями на первой полосе *Народной газеты*. Но я не сомневалась, что, о какой бы реформе она ни мечтала, *это* было явно не то, к чему она стремилась. И я думала, что она пыталась рассказать мне об этом во время нашей последней встречи, когда я отмахнулась от нее.

Благодаря досье, которое я просмотрела перед тем, как допросить ее в Подземелье, я точно знала, где найти Мегару Роупер.

Мои усталые ноги понесли меня через Народную площадь, вниз по Триумфальному Пути и в Саутсайд, к таверне под названием «Мизантроп». Бар на первом этаже был открыт, несмотря на поздний час. Вэл Лазаре, дядя Мегары и лидер Отверженных, сидел у стойки и едва взглянул на меня, когда я вошла.

– Вытри сапоги, – потребовал он.

Я выбила речную грязь из своих сапог и спросила у мальчика-официанта, разжигавшего огонь, где найти Мегару.

– Мегара? – удивленно спросил он. – Это моя сестра. Что тебе от нее нужно?

Так это, должно быть, Лекс. В последний раз я встречала его имя в списке родственников, которыми я угрожала Мегаре.

– Я ее подруга из Лицея.

Лицо Лекса скривилось, словно ему неприятно было слышать об элитной школе, в которой училась его сестра. Он провел меня вверх по неровной лестнице на второй этаж таверны, указал на дверь с облупившейся краской в дальнем конце коридора и поспешно спустился вниз. На мой стук дверь открыла женщина средних лет с всклокоченными волосами с проседью и улыбнулась пустыми, слегка косящими глазами.

– Ты не Вэл, – сказала она.

– Мама, я же сказала тебе, что я...

Мегара Ропер подскочила к матери, замерев при виде меня. Ее черные волосы, остриженные во время ареста, ниспадали на лицо, ярко-зеленый цвет ее глаз выгодно сочетался с цветом шарфа, обмотанного вокруг шеи.

– Это, должно быть, шутка.

– Прости, я не знала, куда еще...

Мегара окинула пустынный коридор широко раскрытыми глазами, потом схватила меня за руку и потянула в комнату:

– Входи.

Мегара потащила меня к столу и, усадив на табурет, подала миску с супом, не сводя с меня глаз. Захламленную комнату освещала единственная масляная лампа, в воздухе витал запах затхлого постельного белья. Ее мать, Катарина, с отстраненным видом застыла у двери. Мегара сунула мне оловянную ложку, но я была не в состоянии ею воспользоваться. Я глотала суп прямо из миски, чувствуя, как тепло разливается по моему пустому желудку.

– А ты отчаянная.

Мегара стояла передо мной, не желая садиться со мной за стол, чтобы продолжить серьезный разговор. Я поставила на стол почти пустую миску и вытерла губы.

– Мне больше некуда пойти. Здесь произошло что-то вроде... переворота...

– Ты говоришь о смене правительства по приказу восстановленного Народного собрания?

Мое сердце ушло в пятки.

– Так, значит, это была законная передача власти.

Мегара пожала плечами:

– Законная, насколько это вообще возможно, когда ты голосуешь, а над головой кружит голиафан. Хотя, если честно, большинство людей были скорее в восторге от этого зрелища, а не напуганы.

– Почему они должны восторгаться при виде голиафана в нашем небе?

Мегара помедлила. Ее лицо сморщилось, словно она вот-вот рассмеется или расплачется.

– Какая-то принцесса... бросала хлеб со спины дракона.

И это было все, что требовалось.

Мегара, кажется, сама не заметила, как опустилась на табурет. Она невидящим взглядом смотрела на свои руки, как будто ужас воспоминаний на мгновение перенес ее куда-то в другое место.

Впервые в жизни мне показалось, что я понимала, что сейчас испытывает Мегара Роупер. После столетий жизни под гнетом драконорожденных, спустя всего лишь десять лет свободы от их режима, люди вновь выбрали правителями повелителей драконов. И все, что для этого потребовалось, – небольшое представление и несколько буханок хлеба.

И хотя я знала, что Народное собрание состояло из представителей городской бедноты, которая гораздо меньше пострадала при повелителях драконов и гораздо сильнее – от программы продовольственного распределения, выдвинутой Атреем, легкость, с которой рухнули

революционные устои, – свидетельство того, как режим, которому я служила, подвел свой народ.

Возле двери мать Мегары издала неожиданный отрывистый смешок, продолжая пристально вглядываться в тени.

– Не обращай на нее внимания, – пробормотала Мегара, ее губы скривились.

Катарину много лет назад арестовали за протест против роспуска новым режимом первого демократического Народного собрания. Из тюрьмы она вышла совсем другим человеком. Я узнала это во время допроса Мегары, когда та сама оказалась в застенках Подземелья.

Провалы, провалы, провалы. Мои провалы слились с провалами Атрея. Его режим погубил Катарину, а потом я угрожала сжечь Мегару в драконьем пламени от имени этого режима. Невинные жертвы, ошибки, засорившие этот город, оставив его беззащитным перед первым голосом, прозвучавшим, чтобы сделать новое предложение.

Иксион Грозовой Бич явился восстановить свою династию на обломках прошлого.

Я смотрела на остатки супа, понимая, что у меня больше нет аппетита.

– Тиндейл был в этом замешан, не так ли? И Ло Тейран. Твои друзья из Отверженных. Это об этом ты пыталась рассказать мне на днях.

Мегара кивнула:

– Они называют их Клеверами. В честь символа Триархии-В-Изгнании. Я не понимала, пока план уже не был в действии. Мой дядя тоже не знал.

– И теперь ты соглашаешься с этим?

Мегара поморщилась, проведя пальцем по прожилкам на деревянной поверхности стола. Тут я заметила, что это был вовсе и не стол, а дверь, установленная на двух бочках.

– Тиндейл говорит, что они позволят *Народной газете* свободно печататься. С помощью зерна из Бассилеи мы сможем накормить голодающих. Дядю пригласили представителем Нижнего берега на первом Тайном совете, и ходят слухи, что они позволят устоять Народному собранию. Так что... Я получила то, что хотела, не так ли?

– Ты говоришь не слишком уверенно.

Мегара подняла ладонь, стискивая пальцами стриженные волосы, размышляя над моими словами.

– Лицей закрыт, – сказала она. – Они говорят, что это временно. Но поговаривают о том, что могут открыть его, изменив условия приема, поскольку металлическая система уже отменена. – Она помолчала, и я с легкостью представила, какие условия приема могли ввести Иксион и ему подобные. – Как бы там ни было, – добавила она с горечью, – там всегда учились только дети богатых.

Но мы с ней, обе студентки Лицея, были прямым доказательством, что это не совсем правда.

Недостатки режима Атрея огромны, и пример тому – Катарина. Но основанный им Лицей иногда принимал, хотя и нехотя, простолюдинов и девушек. Триархическая Реставрация, поддерживаемая патрицианским заговором и оккупационной империей, имела все основания ликвидировать подобные реформы. Единственный кран, дававший доступ к социальному прогрессу, который режим Атрея предлагал беднякам, людям низкого происхождения и женщинам, чтобы пробиться в люди, несмотря на условия, в которых они родились, может быть перекрыт.

Металлический тест давал несправедливые привилегии, но с Иксионом у руля власти его отмена станет поводом отмотать время на десять лет назад.

– Тогда что же ты станешь...

– Я уже состою в штате Тиндейла в *Народной газете*. Мне не нужно заканчивать школу. Но Мегаре не удалось обмануть меня своим равнодушным тоном.

– Собираешься попробовать изменить ситуацию изнутри? – спросила я.

Это была стратегия, за которую она меня высмеивала. Она нахмурилась в ответ на мой сарказм:

– Полагаю, ты здесь, чтобы подготовить еще один контрпереворот? Убить драконорожденных и всех членов Клевера, вернуть Атрея к власти? Все, что для этого нужно, – это устроить небольшую резню...

Я покачала головой:

– Нет смысла. Мы оккупированы. Я видела бассилеанское подкрепление по пути сюда.

Я не могла сражаться с целой империей. Ни с одним драконом, ни даже со всеми драконами Стражников против голиафана Фрейды. Возможно, мы могли бы доблестно выстоять до последнего, но меня это не интересовало.

Каллиполис уже достаточно повидал кровопролитий.

Кому я могла помочь, так это своим друзьям. Они были заперты во Дворце и, насколько я знала, уже подвергались пыткам и смерти. Каллиполис пал, но я по-прежнему отвечала за Стражников.

Допив остатки супа, я поставила миску на покрытый пятнами и усыпанный крошками стол Мегары.

– Ты не видела Кора или Ли с тех пор, как Триархия захватила власть?

Мегара покачала головой:

– Но Ли был довольно дружелюбен со своим кузеном на Народном собрании.

От этих слов у меня по шее побежали мурашки, и я с трудом подавила тревогу.

Мысль о том, что Ли вновь подружился со своей семьей, кажется мне вновь повторяющимся кошмаром, ужас перед которым давно забыт. Я напомнила себе: что бы там ни думала Мегара об увиденном на Народном собрании, я знала Ли и знала Иксиона. И их историю.

– Это дружелюбие – всего лишь уловка. Ли убил сестру Иксиона. И если ты не видела Кора, значит, его арестовали.

Я знала, что она считала Ли близким другом, а Кора, с которым они были знакомы со школы, еще более близким. Мегара барабанила пальцами по сложенным на груди рукам, заметно побледнев.

– Что тебе нужно?

– Проведи меня во дворец. А дальше я справлюсь сама.

11 Тайный совет

ЛИ

Утром второго дня Реставрации Клевера я присутствовал на заседании первого Тайного совета Иксиона Грозового Бича как Защитник Каллиполиса вместо Атрея. По пути сюда я смыл его кровь с рук в туалете. Государственные служащие были повешены во внутренних двориках, через которые я проходил, все из Золотого сословия и большинство из них – низкого происхождения. Один из них, молодой горец с волосами цвета соломы по имени Деклан, однажды танцевал с Энни на празднике. В рассветном свете на его раздувшемся лице видны трупные пятна.

Либо он провалил тест на преданность новой власти, либо стал жертвой теста на преданность, который прошел кто-то другой. Но послание выглядело вполне очевидным: новый режим не нуждался в паразитах низкого происхождения, которые так высоко поднялись.

Я вошел в Зал Советов, чувствуя, как сжимается мой пустой желудок. Иксион встретил меня на пороге:

- Кузен! Рад, что ты смог прийти. Как прошел твой визит к Защитнику?
- Весьма назидательно.

– Я так и думал. – Иксион протянул руку женщине, стоявшей рядом с ним, ее вуаль была откинута назад, покрывая длинные волосы. – Позволь представить тебе Ее Божественное Высочество, Фрейду Бассилеон.

Знания придворного этикета, которые я приобрел к началу Революции, не были обширными, и за долгое время я многое позабыл. Когда я отвесил поклон, который, как я считал, был уместным при знакомстве, улыбка бассилеанской принцессы показалась мне более чем удивленной. Лицо молодой женщины, явившейся с целью превратить Каллиполис в вассальное государство, не выглядело властным – лицо в форме сердца, светло-каштановые волосы, заплетенные в длинную косу, и лучившиеся улыбкой глаза, однако в ее движениях и осанке сквозила уверенность человека, привыкшего к повиновению. Невозможно забыть, что своей улыбкой она управляла голиафаном и целой империей.

– Лео сюр Пэллор, – гортанно произнесла она на драконьем языке. – Тот, о ком мы так много слышали.

– Ваше Божественное Высочество! – Бассилеанская почтительность, резко контрастирующая с каллиполийской традицией поклонения давно умершим богам, раздражала. На губах Фрейды по-прежнему виднелась улыбка.

Иксион занял привычное место Атрея во главе стола, Фрейда устроилась по правую руку от него, и Иксион жестом пригласил меня сесть слева. Убранство комнаты мало изменилось, лишь знамя Реставрации с тремя драконами, кружащими вокруг черного клевера, сменило революционного дракона на высокой стене. Единственный огромный дракон-грозовик с серебряным гребнем примостился снаружи на балконной балюстраде Огненной Пасти: грозовик Иксиона, Нитер.

На моем запястье по-прежнему не было браслета, и я не мог призвать Пэллора.

Члены только что сформированного Тайного совета Иксиона начали входить в зал. Некоторые из них – определенно давние члены Ордена Черного Клевера, например, Ричард Тиндейл и Люциан Ортос. Однако я сильно удивился, когда увидел среди них тех, кто выглядел не столь воодушевленно: генерал Холмс в замешательстве оглядел символы новой власти на стене, прежде чем занять место; Миранда Хейн, министр пропаганды, с синяком на смуглом лице, прятала дрожащие руки в коленях; Дора Митрайдс, одна из главных представительниц знати Яникула, сделала Иксиону неловкий реверанс, хотя ее губы напряженно поджаты. Вэл

Лазаре, предводитель Отверженных и дядя Мегары Роупер, тяжело опустился в кресло рядом с Дорой, которая, с отвращением взглянув на него, отодвинулась подальше.

Интересно, подумал я, им угрожали или подкупили? Или они просто уловили направление изменившегося ветра и выбрали новый курс?

Надеялись ли они, как и я, что еще можно что-то изменить в лучшую сторону, действуя изнутри?

Последним явился Пауэр сюр Итер, громко смеявшийся над тем, что ему только что сказал Эдмунд Грейхизер. Заметив меня, он вскинул бровь. В отличие от меня, ему разрешили оставить браслет, чтобы призывать своего дракона.

Когда все собрались, Иксион начал свою речь:

– Первый Защитник нездоров. В его отсутствие Лео и я будем руководить Каллиполисом: Лео как ваш временный Защитник, а я стану вашим новым Первым Наездником.

Холмс мгновенно среагировал на эти слова, выразив свое недоверие:

– Вы не наш...

Но тут же опомнился и залился краской. Однако было уже поздно. Губы Иксиона скривились:

– Напомните мне еще раз, каким должен был быть результат теста вашего сына? Железо или хотя бы Бронза? Люциан сказал мне, что вы были весьма удивлены вчера этой новостью. – Когда Холмс ничего не ответил, Иксион, сцепив пальцы, положил ладони на столе перед собой. – И да. Вы только что представили наш первый пункт повестки дня. Так называемая Первая Наездница Каллиполийского флота Антигона Фархоллсерф, которая, кажется... скрылась под покровом ночи.

Иксион использует феодальное обозначение, применявшееся в образовании фамилий крепостных, как и в случае с Роком. Только теперь названная дракархия принадлежит не его отцу, а мне. Согласно своему дореволюционному статусу, Антигона принадлежала нам, как и земля, на которой она родилась.

Антигона сюр Аэла. Драконим звучал как защита от злых сил. Ее имя – Антигона сюр Аэла.

– Мы столкнулись с ней, – сказал Эдмунд Грейхизер. – Парсиваль даже вонзил в нее когти. Над Равниной Ферриш.

Снаружи послышался свист хвоста Нитера, полоснувшего воздух, и стекло задребезжало. Иксион спросил:

– И ты отпустил ее?

Пауэр пожал плечами, хотя его взгляд был устремлен на мечущийся в воздухе хвост Нитера.

– Она вырвалась. Но она не могла уйти далеко. Мы найдем ее.

Значит, Энни вернулась с Нового Питоса. Тогда возникает вопрос, что там произошло? И когда Иксион об этом узнает?

– Проследите за этим. Я бы хотел положить конец любой путанице по поводу моего титула.

Другой нерешенный вопрос – местонахождение Криссы сюр Фаэдра, которую Иксион называл Криссой Уорд. К настоящему времени мне стала окончательно понятна его элитарная модель: только патрицианские всадники сохраняли драконимы, которые мы приняли, когда вступили в ряды Стражников. Простолюдинов вроде Криссы и Кора называли по фамилиям. А Энни и Рок заслужили и того меньше.

– Титус занимается этим, – сказал Эдмунд. – Люциан сообщил нам, что Уорд отправилась с дипломатическим визитом на Деймос и должна вернуться в ближайшее время.

Далее Иксион перешел к нуждам своих избирателей, представленных Вэлом Лазаре, кандидатом от Нижнего берега, и Дорой – от Верхнего. Нижнему берегу Иксион готов оставить

независимость *Народной газеты*, само собой, в пределах разумного, и более чем готов одобрить отмену законов о металлах, как решило Народное собрание в ходе референдума. Миранда Хейн заерзала на своем месте, услышав его слова.

– Миранда? – мягко обратился к ней Иксион.

С того места, где я сидел, был хорошо виден синяк на щеке Хейн. Ее тонкий голос звучал еле слышно:

– Появились вопросы о планах вновь открыть Лицей и... о критериях приема, теперь, когда тест на металлы был отменен.

Иксион улыбнулся:

– Ну, у нас есть много долгов, которые мы должны вернуть нашим щедрым благодетелям, – сказал он, кивнув в сторону Фрейды Бассилеон. – Я подумал, что образование могло бы стать непосредственным источником дохода. Государственные расходы в этой области были непомерно раздуты за счет государственных стипендиальных фондов Атанатоса, ставших совершенно ненужной роскошью в столь трудные времена. Пусть Лицей будет открыт для всех. Для всех, кто может за него заплатить.

Миранда громко сглотнула. Глаза Лазаре сузились. Всем стало понятно, что те, *кто сможет заплатить за обучение* в Лицее, будут исключительно патрицианского происхождения, по крайней мере из семей новоявленной элиты.

Пауэр заговорил первым:

– Умно, мой господин.

Он не выглядел таким злобно-веселым с того дня, когда Атрей ввел программу продовольственного распределения.

– Спасибо, Парсиваль. Это подводит нас к вопросу о... Яникуле.

Яникул – это район на Верхнем берегу, у подножия Крепости, где располагалась большая часть особняков, принадлежавших патрицианским семьям. Многие из богачей, таких как Дора, сохранили свой статус после Революции, поддержав Атрея. Дора Митрайдс, застигнутая врасплох, оттягивая горло своего свитера, словно он душил ее, вскинула голову, отвечая на взгляд Иксиона:

– Думаю, вы найдете поддержку у Яникула, сир.

– Правда? Отлично. Потому что, пока Дворец восстанавливают, возвращая ему былое величие, драконорожденным необходимо где-то разместиться. Я надеялся, что ваш особняк, как и остальные, будут доступны для нашего использования.

Глаза Доры расширились:

– С удовольствием, мой господин.

– Моя семья тоже сочтет за честь принять гостей, – заявил Пауэр. – Я имею в виду, моя приемная семья. Дом Гесперидес.

– Моя жена с радостью примет вас, мой господин, – добавил Ло Тейран.

Иксион улыбнулся:

– Возможно, нам стоит распространить эту информацию, – сказал он, – и посмотреть, какие благородные патрицианские дома больше всего этому обрадуются. Те, кто жаждет этого больше всего, должны сообщить имена тех, кто настроен менее решительно. Особой благосклонностью будут пользоваться те, кто сможет назвать имена преступников, творивших беззаконие в Дворцовый день, которые еще не понесли заслуженного наказания.

Подбородок Доры слегка дрожал, когда она склонила голову.

Далее приступили к обсуждению международной ситуации. Фрейда сообщила, что корабли с зерном, следуя по графику, перемещались по каналам, соединявшим порт в форте Арон с рекой Фер. Бассилеанские военные корабли должны были доставить в Каллиполис ее вещи и слуг, а также ее личную армию – подразделение Имперской гвардии, предназначенное для охраны наследной принцессы и известное как Маленькие Бессмертные. Когда Иксион

похвалил готовность нарушить обычай, по которому слуги заранее подготавливали все к приезде госпожи, она ответила:

– Вот увидишь, я полна сюрпризов.

Иксион, очарованный ею, расхохотался. Фрейда улыбнулась в ответ. Брови генерала Холмса поползли вверх.

Значит, не я один считал Иксиона идиотом.

– А дракон? – спросил Холмс.

Никому не нужно было разъяснять, о каком драконе шла речь. Фрейда ответила:

– Обизут свила гнездо на вершине Крепости. Ей нравятся высокие насесты.

Не говоря уже о том, что эта позиция располагалась вне досягаемости наших пушек, и оттуда голиафан мог спалить большую часть города одной струей пламени. Холмс, шумно выдохнув, сложил руки на груди:

– Несомненно.

Два гонца Серого Клевера на небесных рыбах отправились на Новый Питос, чтобы сообщить ожидающим там драконорожденным, что все готово для Долгожданного Возвращения.

– А отважные норчианские наездники смирения? – спросила Фрейда.

Это замечание, похоже, ударило по больному месту, улыбка Иксиона сделалась натянутой:

– Как и обсуждалось. От них избавились.

Если только Энни не приготовила для тебя большой сюрприз.

Казалось, его слова еще больше развеселили Фрейду.

– Отлично, милорд, – сказала она.

– А что насчет моих наездников? – спросил я.

Иксион впервые взглянул на меня:

– Ты имеешь в виду *моих* наездников?

Хейн изо всех сил уперлась ладонями в край стола, словно хотела отгородиться от нашей перепалки. До меня донесся голос Атрея, вызывающий и холодный. *Настало время обсудить, как ты поступишь, выйдя из этой комнаты.*

– Я имею в виду Стражников.

– Думаю, с голиафаном и драконорожденными у нас нет необходимости в *других* наездниках, не так ли?

В своем роде эта завуалированная угроза и была той информацией, которую я искал. Это означало, что Иксион станет использовать Стражников как рычаги давления. Значит, они все еще были живы. Значит, они ожидают его окончательного решения в какой-то темнице.

Снаружи донесся громкий шелест крыльев Нитера, и стекло снова задребезжало. Мое запястье зудело от желания снова ощутить браслет, от желания призвать Пэллора. Я заставил себя перевести взгляд с дракона на Иксиона:

– Хранители – знаменитости Каллиполиса. Городские дети знают их по именам. Их не так легко вычеркнуть из памяти, и если вы хотите, чтобы ваша... наша... Реставрация прошла успешно, они нам понадобятся.

– Я готов оставить патрицианских Стражников. От остальных можно избавиться.

Избавиться. Как будто он очищал кладовую от испорченных продуктов. Патриции составляли, возможно, треть революционного флота. Поговаривали, что в жилах их семей текла и кровь драконорожденных, от иногда случавшихся браков с Тремя Семьями. Дора упоминала при мне, что это было особым предметом гордости.

– Это как раз про меня, – сказал Пауэр.

Я видел, как Пауэр раздраженно говорил, что его мать была из Чипсайда. Но, похоже, сегодня такой вспышки не предвидится. И в этом не было ничего удивительного, потому что

если что и можно было знать наверняка, так это то, что на Пауэра нельзя положиться. Мои пальцы начали сжиматься в кулаки.

– Некоторые из наших самых популярных наездников вышли из низов. Не говоря уже о самом высоком ранге. Кор сюр Маурана, Ричард сюр Баст...

И Крисса сюр Фаэдра, и Антигона сюр Аэла, только вот о них мне сейчас совсем не хотелось упоминать перед Иксионом.

– Но в том-то и дело, – сказал Иксион. – Ведь все это может сбить с толку людей. Подобно Антигоне Фархоллсерф, претендующей на титул Первой Наездницы, эти подозрительно высоко поднявшиеся наездники из низов создают впечатление, будто любой простолюдin способен летать не хуже драконорожденного. Что, как мы все знаем, не соответствует действительности.

Произнеся эти слова, Иксион ждал, не возразит ли ему кто-нибудь, а все остальные старательно прятали глаза. Фрейда ухмылялась, хотя непонятно чему.

– Вы видите, в чем трудность, – продолжал Иксион, удовлетворенный нашим молчанием. – Не может быть двух Первых Наездников, двух Алтерн, двух Терциев и так далее. Это бы всех ужасно запутало.

Мое сердце стучало в ушах.

– Тогда пусть они покажут, на что способны.

Иксион склонил голову набок:

– У тебя есть два претендента на Кварту, пусть они встретятся лицом к лицу. Поставь Кора сюр Саттер против Эдмунда Грейхизера на арене.

В ответ Эдмунд грубо расхохотался, как будто я пошутил.

К моему удивлению, Иксион тоже улыбнулся, и у меня тут же возникло предчувствие, что мне удалось добиться своего.

– А знаешь, кузен, – заявил он, – мне нравится эта идея.

12

Собеседование

ЭНИИ

Проснувшись, я обнаружила, что дискомфорт в теле, оставшийся после приключений в Норчии и длительного и непростого полета, перешел в тупую боль, сковавшую мышцы словно бетон. Мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, что я проснулась не от кошмара, а в кошмаре: я была дома и здесь повсюду реяли желтые знамена Бассилеи. Моих друзей заперли во дворце, который теперь контролирует Иксион. А я спала на куче прокисшего белья в доме девушки, которую я до недавнего времени терпеть не могла. Когда она потрясла меня за плечо, тараканы бросились врассыпную.

– Который час?

– Полдень. Мне показалось, что надо было дать тебе поспать.

Мегара поставила бутылку с уксусом рядом с дымящимся чайником, в котором ее мать, Катарина, помешивала черный чай. Их импровизированный стол – одно из немногих подобных мебели в комнате; большинство вещей семьи Руопер, белье и кухонная утварь были сложены в кучи прямо на полу. Ее брат Лекс храпел на другой куче одежды. У меня мелькнула смутная мысль, что за все то время, которое мы с Мегарой были рядом, злясь друг на друга из-за предполагаемых привилегий, которые выдумывали друг для друга, ее дом оказался почти таким же скромным, как и мой, только был в еще большем запустении.

– Тебе повезло, – сказала Мегара, протягивая мне корректуру статьи, которая должна была появиться в дневном выпуске *Народной газеты*.

ИКСИОН СЮР НИТЕР,

ПЕРВЫЙ НАЕЗДНИК КАЛЛИПОЛИСА,

ВЫЗЫВАЕТ НА АРЕНУ

АНТИГОНУ ФАРХОЛЛСЕРФ

– Фархоллсерф?

Мегара кивнула:

– Руководства по стилю были обновлены.

Все происходило стремительно. Я пролистала остальную часть статьи: любой Стражник, претендующий на высокий чин во флоте, должен участвовать в публичных состязаниях с драконорожденными, проходя так называемое Отсеивание; даты состязаний будут объявлены в ближайшее время. Любой, кто знает местонахождение Антигоны Фархоллсерф, получит награду за информацию.

– Ну?

– Что? – спросила я, передавая ей газету обратно.

– Ну, разве ты не должна встретиться с ним лицом к лицу?

– И чего я этим добьюсь?

Мегара уставилась на меня. А затем изо всех сил хлопнула газетой по полу, где мы сидели, с хрустом раздавив таракана.

– Ты думаешь, это ловушка.

Я едва не расхохоталась. Конечно, это ловушка.

– Проблема не в этом. Хотя, возможно, ты захочешь получить вознаграждение.

Мегара закатила глаза:

– Если ты не придешь, люди скажут, что ты струсила.

– Люди и так много чего обо мне наговорили.

Мегара поджала губы. То, что они говорили обо мне – что я бессердечный и жестокий лидер, что я пробилась себе путь наверх, используя чувства Ли, – все это было информацией из

историй, которые она придумала и втиснула в *Народную газету* во время Бункерных бунтов. После *стервы-командующей* и женщины – *повелителя драконов* почему бы не добавить еще и *трусиху*?

– Я понимаю, – медленно произнесла она, – что Иксион может оказаться тебе не по зубам.

– Я могу размазать его по полу. – Я произнесла это с такой уверенностью, что Мегара вскинула голову. Но к чему скромничать? Аэла и я уже встречались с Иксионом сюр Нитер в воздухе. Мы знаем свои возможности и на что способен он. – Но это не поможет моим друзьям выбраться из тюрьмы или попасть в безопасное место, а ведь именно для этого я здесь.

– Ты – Первая Наездница! – воскликнула Мегара. – Разве у тебя нет желания отстоять свой титул?

И почему она не перестанет?

– Моя цель не в этом.

Мегара шумно выдохнула воздух.

– Отлично, – сказала она. – Тогда переходим к плану Б.

План Б – это чай с уксусом. Во дворце проходили работы по реконструкции, и пока драконорожденных расквартировали по особнякам Яникула, шел набор служащих в рамках новой инициативы лояльности к власти; Мегара собиралась покрасить мои волосы, чтобы я могла пройти собеседование неузнанной.

– Клеверы говорят, что переходная команда заинтересована набрать в штат нескольких горцев, – сообщила Мегара. – Ты все еще можешь изобразить акцент?

– Не знаю.

– Но это же просто, девочка.

– Пожалуйста, перестань.

Полбутылки уксуса и чашки черного чая. Спустя время я смотрела в грязное оловянное зеркало, откуда на меня взидала темноволосая молодая женщина. В покрытом заплатами платье Агги я больше напоминала крестьянку из своей родной деревни, чем Стражницу, чей огнеупорный костюм лежал в углу. Я почувствовала себя неуютно от этого зрелища.

И хотя Мегара перестала подстрекать меня, мысли об этом не давали покоя. *Ты – Первая Наездница. Разве у тебя нет желания отстоять свой титул?*

Я вспомнила о том моменте, когда Роксана сказала мне, что я выиграла битву, но проиграла войну, потому что, пока я помогала Грифффу, мой собственный город пал. Такой вот поворотный момент спустя недели и месяцы, потраченные на то, чтобы служить городу, который писал обо мне оскорбительные замечания на своих стенах.

В конце концов, все эти обидные замечания оказались справедливыми.

Я могла бы размазать Иксиона по полу. Но это не сделало бы меня достойной звания защитника Каллиполиса. Уже нет. Победа над ним не изменила бы того факта, что на вершине нашей Крепости восседал голиафан, а наши улицы кишели бассилеанскими солдатами. И если неприятная правда заключалась в том, что я чувствовала себя в большей безопасности, спасая своих друзей, переодевшись в крестьянское платье, а не в огнеупорном костюме, это вовсе не означало, что мой план был плох.

Когда я впервые вышла из дома Роуперов, меня встретили обжигающе-холодный воздух и солнечные лучи, проливавшиеся с ярко-синего неба. Тонкая коричневая накидка миссис Роупер была накинута поверх платья Агги для тепла, а мой браслет Стражницы со свистком-призывателем Аэлы, который я повесила на ту же цепочку, что и мамин кулон, спрятан внутри бюстгальтера. Казалось, минула целая жизнь с тех пор, как Ли подарил мне его.

Идя по городу, я замечала изменения, произошедшие с тех пор, как я в последний раз проходила по этим улицам: эмблемы с желтыми китами Бассилеи, украшавшие форму солдат, следивших за распределением пайков; триархальное знамя Реставрации, развевавшееся

на стенах дворца, и силуэты незнакомых драконьих всадников в небе. Единственный дракон, которого я узнала, – Итер.

Аэла не почувяла из драконьих пещер запаха насилия, лишь страх. Я инстинктивно понимала, что, хотя наша с Аэлой связь значительно ослабла на таком расстоянии, я все равно почувствовала бы, если бы у Агги возникли причины для серьезной тревоги.

Они все были там. Мне просто надо было добраться до них.

По пути я оставила письмо от Дака его семье на ступеньках заднего крыльца, в котором он сообщал, что жив.

Перейдя Хаймаркетский мост, я влилась в медленную струйку горожан, проходящих через охрану у боковых ворот Внешнего дворца. Соискатели, которых пропускала охрана, открыв рты, глазели на величественные дворы. Девять лет назад я вела себя точно так же.

Привратник направил меня в очередь на собеседование в боковом зале, и когда я поняла, куда иду, то с трудом подавила едва не вырвавшийся наружу жуткий смех. Это зал, где ученики, успешно прошедшие металлический тест, когда-то участвовали в Церемонии Выбора. Именно здесь Аэла выбрала меня, и я стала Стражницей.

Но сегодня меня ждали не драконы. Вместо этого в пустом зале я увидела три стула, и пухлая женщина средних лет с круглым розовым лицом на каллийском языке с бассилеанским акцентом пригласила меня занять свое место.

Рядом с ней сидел наш старый инструктор по строевой подготовке Уэс Горан. На его лацканах красовались эмблемы с клевером.

При виде него я едва не упала замертво. Последнее, что я слышала, – это что его уволили из администрации Атрея за предвзятое отношение к таким, как я. Похоже, он нашел более терпимого хозяина.

И теперь мой план провалился.

На мгновение я застыла, глядя на своего инструктора и думая, как сбежать.

Но потом он перевел взгляд с планшета на мое лицо и даже бровью не повел.

– Абигейл Неархоллраб? – со скучающим видом спросил он.

Зал был слабо освещен, и мои вымоченные в чае волосы и одежда простолюдинки никак не вязались с командующей флотом, которого он должен был узнать. Но я подозревала, что Уэс Горан плохо помнил мое лицо, потому что большую часть своей жизни я была мерзостью, на которую он старался не смотреть.

И теперь немного черного чая оказалось достаточно, чтобы он вообще меня не разглядел.

Я, дрожа, кивнула в ответ.

– Прошу, садись, – тепло предложила розоволицая женщина со своим гортанным бассилеанским акцентом, и я послушно села. – Я – Бетсуна, фрейлина принцессы Фрейды. Это Уэс Горан, Верховный Управляющий Реставрации Клевера.

Я натянула на себя вид, который, как я надеялась, примерно соответствовал благоговейному ужасу.

– Вы из горных районов? – спросила Бетсуна, сверяясь со своим списком.

Мне пришлось вспоминать свой прежний говор, тренируясь перед зеркалом вместе с Мегарой. По крайней мере мой, в отличие от Мегары, звучал естественно.

– Да, госпожа.

– Как ты оказалась в столице?

– Искала работу, госпожа. Продовольственная программа Узурпатора истощила нашу деревню.

Рассеянно-скучающий взгляд Горана задержался на моем лице дольше, чем мне хотелось бы.

– Вы, горцы, действительно все на одно лицо, – заметил он. – Кровосмешения... – проворчал он Бетсуне на драконьем языке. – Ты думаешь, что твоя власть плоха.

Бетсуна закрыла рот ладошкой, чтобы подавить изумленный, звонкий смех. Я держалась со спокойным и невозмутимым видом, чему научилась, когда этот человек был моим инструктором и постоянно оскорблял меня, глядя в глаза.

– Я напомнила вам кого-то знакомого, милорд? – спросила я на каллийском.

Горан, не став исправлять меня, когда я назвала его милордом, лишь проворчал в ответ:

– Та девчонка забыла свое место.

Бетсуна переводила взгляд с него на меня, удивленная вызовом, прозвучавшим в его тоне. Я наклонила голову, чувствуя, как мою шею начинает заливать краска. А затем глубоко вздохнула и начала речь, которую придумала в комнате Мегары и практиковалась с ней до тех пор, пока мое лицо не запылало от усердия.

– Никто бы так не сказал, – заявила мне тогда Мегара.

– Мой отец сказал бы.

– Твой отец раболепствовал?

Я подняла на нее глаза:

– Когда ему это было нужно.

И теперь я вспомнила об отце. Я не должна показывать свои чувства. И сказала то, что хотел услышать Уэс Горан. Они хотели преданности? Они ее получают.

– Ваша служанка знает, кто ее господин. Ее семья благодарна давно усопшим богам за то, что господин Иксион сверг Узурпатора и вернул себе свое законное место. Служить в доме драконорожденных – высочайшая честь и величайшая привилегия, на которую смел надеяться такой ничтожный человек, как я.

Я уперлась взглядом в колени, чувствуя, как бешено колотится сердце. Кожа на моей обнаженной шее дрожала под пристальным взглядом Горана. Сколько я себя помнила, когда Горан все же удосуживался посмотреть на меня, он всегда видел крестьянскую девушку, которая забыла свое место.

Теперь пусть он увидит ту, которая его помнила.

Он обратился к Бетсуне на драконьем языке:

– По крайней мере, она миловидна.

* * *

Вернувшись в дом Мегары, я опустилась на табуретку и, уткнувшись лицом в колени, разразилась отчаянными рыданиями. Я сдерживала их всю обратную дорогу.

– Что случилось? – встревожилась Мегара, забыв о гранках еженедельного выпуска, разложенных на захламленном столе. – Тебя узнали?

Взяв носовой платок, который она сунула мне, я утерла слезы. Мое дыхание было прерывистым, словно я всю дорогу от Дворца бежала сломя голову.

– Я получила работу. Дворцовый персонал. Окончательные указания дадут после завершения реконструкции.

– Это ведь хорошо, не так ли? – спросила Мегара, все еще недоумевающая. Она опустилась на колени рядом со мной: – Тебя кто-то обидел?

Она понизила голос. Я покачала головой.

Никто меня не обижал. Но до этого собеседования я не вспоминала, каково это быть столь *уязвимой*. Когда о тебе говорят, словно ты пустое место. Не вспоминала о ребенке, которого держали и били, о выжившем свидетеле, которого заставляли смотреть на смерть близких. А теперь, каково быть женщиной, чья привлекательность обсуждалась с откровенным безразличием ее начальством...

И я получила то, что хотела, – возможность вернуться и сделать то, что необходимо.

Мои слезы высохли, но Мегара по-прежнему не сводила с меня глаз. Я попыталась объяснить:

- Собеседование проводил мой бывший инструктор. Он меня не узнал.
- Ну, это хорошо, – сказала Мегара. – Чай сделал свое дело.

13

Костюм принцессы

ЛИ

Особняк Доры Митрайде переполнен выходцами из семьи Грозových Бичей. Дора перебралась в свой каретный домик. Ее слугам приходилось самостоятельно разбираться с Полукровками, напивавшимися вдрызг в ее винном погребе, пока их драконы шныряли по ее садам. Наблюдая за тем, как садовник рыскал по территории, туша небольшие пожары, я как никогда отчетливо осознал причины, по которым дворец был построен из камня. Мне трудно было представить, что один из этих грозовиков, вечно кипящих яростью, присущей их породе, должен был стать моим. Мне так до сих пор и не разрешили увидеться с Пэллором.

К ужасу Иксиона, Энни по-прежнему нигде не было. Ее дракона больше не видели. Даже его призыв в *Народной газете* не смог заставить ее выйти из подполья.

– Твоя шлюха – трусиха, – бросил он мне за завтраком, лакомясь тостами Доры.

Я улыбнулся ему в ответ.

Теперь, когда меня лишили моего дракона и мой домашний арест был вполне очевиден, у меня было достаточно времени, чтобы познакомиться со своим сводным братом и другими наездниками Серого Клевера, пока Иксион решал дела во Внутреннем дворце. Полукровки завтракали поздно, разбавляя сок приличными порциями шампанского. Несмотря на все усилия измученного персонала, чтобы сдерживать их напор, эти сборища все больше напоминали студенческую вечеринку. Многим из наездников Серого Клевера слегка за двадцать, как и Эдмунду.

– Сводный братец! – весело приветствовал меня Эдмунд, вставая с дивана на застекленной террасе. – Выпьешь с нами?

На часах было десять утра.

– Не надо, спасибо.

Стеклянные двери на балкон, откуда открывался вид на сады, были распахнуты, дракон-грозовик с ноздрями, дымящимися, как две сигары, наполовину просунул голову на террасу. Эдмунд пригласил меня присесть рядом с ним, его слова прозвучали как нечто среднее между шутивным приглашением и приказом, и небрежно махнул рукой в сторону двух других наездников, пьющих с ним, у которых черные, как у всех Грозových Бичей, но выющиеся волосы. Все наездники Серого Клевера – холостые мужчины; вечером Яникул начал устраивать в их честь званые обеды, на которые пригласили дочерей патрициев.

– Позволь представить Тита и Анджело... наших кузенов-полукровок. Это сводные братья Иксиона. Дракона зовут Ярость. Это имя он получил за свой нрав.

При звуке своего имени Ярость выпустил столп искр прямо на ковер. Тит и Эдмунд, откинув головы назад, разразились хриплым хохотом, похожим на собачий лай, когда языки пламени охватили края ковра. Анджело, тощий младший брат Тита, разражаясь проклятиями, отодвинул свой стул подальше от пламени.

– Ой, но мы же договорились!

– Не можете? – обратился Тит к горничным, которые застыли на месте, забыв о пустых фужерах из-под шампанского.

Они принялись суетиться вокруг дракона, их непрочная обувь не позволяла затоптать пламя, и потому служанки попытались потушить его декоративными подушками Доры, вскрикивая от боли в обожженных пальцах, а их чепцы то и дело сползали набок. Юноши, хохоча, наблюдали за ними и не думая подняться с места. Молодые повелители драконов всегда славились своими разгульными кутежами, но сегодня я впервые увидел, на что это было похоже. Я схватил первый попавшийся графин с соком, разбавленным вином, и опрокинул его на

ковер. Пламя с шипением потухло. Служанки перестали прыгать и кричать, юноши умолкли, а Эдмунд, нахмурившись, уставился на меня:

– Мы собирались это выпить.

– Ты должен загасить своего дракона, если пускаешь его в дом.

Эдмунд встал. Я отставил графин. Сжав кулаки, я приготовился к удару, с нетерпением ожидая его, но внезапно до нас донесся крик из центрального внутреннего дворика особняка Доры.

– Похоже, это кричит ваш сводный брат, – сказал Эдмунд Титу и Анджело.

– Ну, – сказал Тит и, потянувшись, встал, – семью не выбирают.

Иксион стоял посреди двора и рвал на себе волосы.

Причиной его негодования стало послание, принесенное наездниками Серого Клевера, только что вернувшимися с Нового Питоса.

Или почти с Нового Питоса, потому что они не смогли добраться до своего прежнего острова. Им не удалось пролететь дальше края Башен Моряка, где норчианские наездники под предводительством Гриффа Гаресона образовали заслон. Там они обнаружили лодки с выжившими драконорожденными и прахом их мертвых. Выжившие направлялись в форт Арон, оттуда их должны были переправить в Каллиполис на барже.

Грифф и другие наездники, которые когда-то были оруженосцами, но теперь величали себя наездниками Вайды, отправили гонцов Иксиона домой с известием о том, что Новый Питос теперь именуется Норчией и что, хотя они не хотят ссориться с возрожденной Триархией, они взяли заложников, чтобы оградить себя от нападения драконорожденных.

Как же произошло это восстание? Я услышал ее имя, произносимое быстрым шепотом, ощутил, как холодная волна мурашек пробежала по спине. Эти гонцы забыли о новых правилах в речи. Они сообщили, что Антигона сюр Аэла пришла с драхтаназией, разбила намордники и крепость Полуаврелианцев сгорела.

А все, что я мог сейчас сделать, – это сохранять видимость спокойствия.

Она сделала это.

Иксион бушевал, как ребенок в истерике, не обращая внимания ни на драконорожденных, окруживших его во дворе, ни на слуг Доры, молча поджавших губы. Узнав о гибели пра-влящей семьи Полуаврелианцев и его друзей Руода и Роксаны, он рвал на себе волосы и вопил. Я наслаждался этим зрелищем, пока не различил слова, прорывавшиеся сквозь его яростные рыдания:

– Я вырежу их всех. Я выжгу их с лица земли...

Нитер ревел рядом с ним, пепел и искры извергались из его пасти.

– Ты этого не сделаешь.

Феми Небесная Рыба, прибывшая с одним из гонцов, прыгнула со спины его дракона. Она одиноко застыла перед Иксионом. Вместо накидки голубого цвета, символизирующего Дом Небесных Рыб, на ней было рубище небесной сироты. Пепел покрывал ее веки и щеки с подтеками от слез. Она была высока и стройна, из-под ее коротко стриженных волос проглядывала смуглая кожа черепа. Сейчас она была похожа на ходячий призрак.

Иксион, стоя на коленях, молча смотрел на нее.

– Ты не нападешь на Норчию, – сказала она ему, говоря так, будто произносила слова древней клятвы. – Ты обеспечишь безопасность моего брата, который пожертвовал всем, чтобы защитить меня, оставшись в заложниках у норчианцев. Ты не дашь норчианцам повода причинить вред Астианаксу Полуаврелианцу, последнему оставшемуся в живых наследнику Радаманта, или Электре Грозовой Бич, двоюродной бабушке, которая тебя вырастила.

– Эти неблагодарные животные заслуживают расправы, Феми, – хрипло произнес Иксион.

Феми опустилась на колено перед Иксионом, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Ты проявишь милосердие ради моего брата. Ты услышишь мольбу той, кто только что потеряла своего дракона. Поклянись смертью своей сестры.

Иксион вытер слезы и коснулся влажными пальцами ее ладоней, и Феми стиснула их, скрепляя клятву.

– Клянусь.

Затем Иксион встал на ноги и обернулся к Пауэру, приземлившемуся на Итере справа от него:

– Найди ее.

Холод, который я чувствую, ничто по сравнению с выражением лица Пауэра, когда тот кивнул в ответ.

Но вечером Пауэр снова вернулся ни с чем, и тогда Иксион устроил свое представление. Во внутренний дворик Доры приволокли две связанные фигуры с мешками на головах, поставив их на колени перед Иксионом. Анджело и Тит Грейхизер удерживали меня на противоположной стороне двора. Когда мешки сняли, я увидел двух Стражников: Рока, распростершего руки, бледного, как смерть, с кляпом во рту, и аврелианского наездника Брайса. Брайс – простолюдин из Саутсайда, абсолютный дилетант в воздухе, несмотря на дополнительные тренировки, которые я специально проводил с ним, пока был командиром эскадрильи. Когда вытащили кляп, он принялся умолять пощадить его на каллийском языке; заметив меня, он принялся умолять меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.